

«...Во исповедании сердечнем»

Духовная лирика поэтов

Белгородчины.

К 200-летию митрополита Макария.

КОНСТАНТА

Белгород
2016

ББК 86.372.24–3,8
В 61

Редакколлегия:
протоиерей И. Кобелев, протоиерей О. Кобец, В. Е. Молчанов

Редакторы-составители:
М.А. Кулижников, В.Н. Черкесов

В 61 «...Во исповедании сердечнем» : духовная лирика поэтов Белгородчины : к 200-летию митрополита Макария / [ред.-сост.: М. А. Кулижников, В. Н. Черкесов]. – Белгород : КОНСТАНТА, 2016. – 194 с.

12+

ISBN 978-5-9786-0434-4

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «КОНСТАНТА», 2016

Давно, давно оставилъ онъ отчизну,
Домашний кровъ, родныхъ, друзей
И променялъ забавы юныхъ дней
На подвиги отшельнической жизни.

Давно на горной вышинѣ
Одинъ лежъ небомъ и землю
Живѣть въ пещерѣ онъ. И въ сладкой тишинѣ
Парить и сердцемъ, и душою
Среди молитвъ, среди трудовъ
Въ заветный край: къ Создателю Мировъ.

(Митрополит Макарий "Смерть старца-отшельника")

ЖАННА БОНДАРЕНКО

* * *

Все, что создал Бог – прекрасно!
Любоваться ежечасно
Этим миром не устану.
Я с молитвой утром встану,
Тихо поблагодарю
За пришедшую зарю,
За грядущий день погожий,
За поющий теплый дождик,
За цветов благоуханье
И за птичье щебетанье.
За медовый запах лета
И строку в устах поэта.

* * *

Расплескалась заря над туманом,
Откровенье на мир пролила.
Я проснулась с молитвою рано
И надежды лампаду зажгла.

Столько в жизни тревоги и мрака –
Неподъемна их бренная кладь.
Жду я, Господи, доброго знака
И хочу обрести благодать.

Чтоб она тихо с неба струилась,
Открывая счастливую даль,
И реальность с мечтой примирилась,
И поэзией стала печаль.

Бездорожьем я долго блуждала,
Свою душу сжигая дотла, –
То ночами я солнца искала,
То просила у стужи тепла.

И вот Ты даровал мне прозренье,
Вдохновил и утешил меня.
Принимаю, как благословенье,
Первый проблеск погожего дня.

* * *

Будет день – и будет пища,
Свет душа твоя отыщет.
Бог укажет путь к спасенью
И дарует утешенье.
Будет день – не вечны ночи,
Пусть не так все, как ты хочешь,
Но есть Промысл тот, что свыше –
Видит все Господь и слышит.
Будет день – к чему сомненья?
Наберись любви, терпенья.
Сотворен был мир не сразу –
Не смущай свой дух и разум.
Будет день – и схлынут беды,
Грянут новые победы,
Все исполнится, свершится.
Нужно верить и молиться!

* * *

Пресвятая Матерь Богородица,
На Тебя Одну лишь уповаю.
Так уж в этой жизни грешной водится,
Что печалим нет конца и края.

Мне бы знать, что после бурь неистовых
Вопреки прогнозам и знамениям
Воссияет солнышко лучистое,
И нахлынет в душу вдохновение.

Я тогда пройду, молясь и веруя,
Путь тернистый, свыше предназначенный.
Будет полной, беспристрастной мерою
За дела и мысли мне заплачено.

Огради, Владычица Небесная,
От потерь, иллюзий и страдания,
Милостью Божественной, чудесною
Озари ненастье мироздания.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

I

Сияет солнце над землей,
Цветут сады окрест.
Из чаши неба голубой
Пролился благовест.
И окропил душевный мрак
Живой водой весны.
И Бог подал нам добрый знак,
Что будем спасены...

II

Благовещенье. Весна.
Вновь душа надежд полна.
Всем дана благая весть –
С нами Бог, и счастье есть!
Благовещенье. Дожди.
Тихо шепчет небо: «Жди,
Скоро будет все сиять,
Возрождаться, ликовать.
Солнце веры ведь взошло,
И бессильно в мире зло!».
Благовещенье. Цветы.
Яркий луч из темноты.
Всем дана благая весть –
В нашей жизни чудо есть!

* * *

Будь что будет, а делай – что должно,
Так уж свыше для нас решено.
В этой жизни все просто и сложно,
Наши судьбы порой бездорожны,
Но других нам, увы, не дано.
Будь что будет, не нужно сомнений,
Бесполезных тревог и обид.
Не бывает вершин без падений,
Да и мудрости – без заблуждений,
Вкус успеха нередко горчит.
Будь что будет, а силы нам хватит,
Лишь бы души не выпачкать в грязь,
Ну, а если тоска вдруг накатит,
Если солнце с ненастьем не сладит,
Мы утешим себя, помолясь.
Будь что будет, а будет – как надо,
Ни к чему понапрасну гадать.
Ниспошлеется скорбящим отрада,
И мечта одолеет преграды –
Вот на это есть смысл уповать!

* * *

Случилось так или иначе –
Какая разница теперь
Я не жалею и не плачу,
Закрыв за прошлым дверь.

О дне грядущем не гадаю –
Придет рассвет – и схлынет тьма.
На Божью милость уповаю,
Чтоб не сойти с ума.

* * *

Все мое будет вечно со мной:
Эта боль, как земля под ногами,
Шепот звезд из-за дымки ночной
И восхода холодное пламя.

Тишина из мелодий и слов,
Крик души, к небесам обращенный,
И незримая тяжесть оков,
И надежда быть Богом спасенной.

Все мое будет вечно со мной:
Легче жить, если помнишь об этом.
Я бреду по юдоли земной
За лучом путеводного света.

ПАСХА КРАСНАЯ

I

Она пришла к нам – Пасха Красная,
Пора великая, прекрасная,
Землей и небом долгожданная,
Святою верой осиянная.

Она пришла к нам – Пасха Светлая,
Бессмертных душ весна заветная,
Надеждой вечной озаренная
И благодатью напоенная.
Свершилось чудо из чудес –
Христос воскрес! Для нас воскрес!

II

Христос воскрес! Христос воскрес!
Стал безмятежным свод небес,
И льется колокольный звон
Со всех сторон.
Христос воскрес! Христос воскрес!
Зазеленел поникший лес.
Поют ветра благую весть,
Цветов – не счесть.
Христос воскрес! Христос воскрес!
В душе – предчувствие чудес.
Лик солнца свято воссиял,
Надежду дал.
Христос воскрес! Христос воскрес!
И черный след тоски исчез.
Так было, есть и будет так –
Бессилен мрак!

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

БЛАГОДАРЕНИЕ

Благодарю тебя, Господь,
Что между нами нет преграды,
За то, что я не жду награды,
Когда смиряю дух и плоть.

Спасибо за спокойный сон –
Дневных трудов венец счастливый,
И за укор Твой молчаливый
За слабостей минутных сонм.

Прости, что не всегда прилежно
Я постигала хлеб и воду
Как дар и высшую свободу
Души – быть праведной и грешной.

* * *

Слепыми котятами бродим по жизни, по кромке.
Вокруг темнота и внутри нас – глухие потёмки.
И только страданья бессмысленный путь разрывают,
Божественным светом глаза и сердца озаряют.
А время и печит, и тут же жестоко смеётся.
Но в памяти смутно прозрения боль остаётся...

* * *

У нас у всех своя дорога:
Кому-то в яблоневой дымке
Шагать легко, кому – с порога
Скитаться по болотам зыбким.

У нас у всех своя дорога,
Свои судьба, хула и слава:
Кому-то горя очень много,
Кому-то счастья очень мало.

У нас у всех своя дорога.
И ты устанешь, может статься...
Лишь силы попроси у Бога,
Чтоб не свернуть, не потеряться.

ВИТАЛИЙ ВОЛОБУЕВ

КРЕЩЕНСКОЕ

Наши души, как пчёлы,
В этот мир прилетают,
Чтоб нектар благодатный
В Божий улей собрать.

Мы с рождения ищем
Свой цветок медоносный –
В мире много соблазнов
И путей в никуда.

Вот душа и тоскует
Перед дальней дорогой –
Как без мёда вернёшься
В общий улей родной?

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

Наступает Страстная седмица –
На Голгофу таинственный путь,
И душа, как невеста, стремится
Сына Чашу сию не минуть.

Всю пройти непростую дорогу,
Со Спасителем Крест пронести,
Прикоснуться к рождённому Богу
На Его невозвратном пути.

Всю неделю в посте и молитве
Очищаться, внимая страстям,
В ежедневной мучительной битве
Отбиваясь от мелочных драм.

И когда Божий Сын вознесётся,
Излучая сияющий свет,
Возвратится душа к первородству
Безгреховых младенческих лет.

А к утру, когда луч первозданный
Засверкает с весенних небес,
Станем вестью делиться желанной,
Что из мертвых Сын Божий воскрес!

БЛАГОДАРЕНИЕ

Спасибо, Господи, за дело,
Что дал взыскующему телу,
Чтобы оно творило слово,
Которое всему основа.

Спасибо, Господи, за песни,
Что дал пропеть с друзьями вместе,
С которыми судьба хранила,
Которые дарили силы.

Спасибо, Господи, за время,
Чтобы нести земное бремя,
Что я не просто так живу –
Сны проверяю наяву.

Храню, как дар, живую душу
И, слава Богу, не нарушу
На всё отмеренную меру.
Спасибо, Господи, за веру!

НА СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ

На святое Крещение
Попрошу я прощения
За своё возвращение
Во объятья Христа.

Был я долго безбожником,
Словно беглым острожником,
Но свободным художником
Не бывал никогда.

А теперь – воля-волюшка,
Жизнь – как чистое полюшко,
И желанная долюшка
Сердце верой согреть.

Помолюсь – и откроется
Обретённая Троица,
Жизнь земная устроится
И рассеется смерть.

ЮЛИЯ ВОЛОДАРСКАЯ

МАЛЕНЬКИМИ ШАГАМИ

Маленькими шагами –
Быстро никак нельзя,
А иногда кругами –
Падая и скользя,

Так, поднимаясь выше,
Даже на самый верх,
Чувствовать духом нищим,
Как безобразен грех.

И, оттирая копоть
До немоты в виске,
Вдруг разглядеть икону
В выброшенной доске.

ПРИЧАСТИЕ

Душа отделяется от тела
И встанет рядом.
И ты застынешь онемело –
И слезы градом.
И замочив щекою влажной
Церковный угол,
Поймешь, каким тебя однажды
Господь задумал.

ВОСКРЕСНОЕ

Уродишься такой уродиной,
Что не можешь и глаз поднять,
И у стеночки с Богородицей
Будешь целую ночь стоять.
И покажется умиранием
Эта чёрная синь небес,
И воскреснешь от целования –
Моя радость, Христос воскрес!

ДУША МОЯ

Сколько знаков тебе уже послано.
Оглянись, душа многогрешная,
Сколько света любви не опознано,
Сколько плачущих не утешено.
Сколько можно бояться истины.
Ты задумана – ты исполнишься.
И Отец твой светло и пристально
Смотрит, как ты в смятении молишься...

ОТРОКУ ДИМИТРИЮ

Мальчик с яблоками по улице,
Луч запутался в волосах,

Этим праздником всё и сбудется –
Видишь облако в небесах...

Он войдёт туда и останется
В доме Господа своего,
Всё однажды преображается
В чудотворной руке Его...

КРЕСТОПОКЛОННОЕ

Радость дышать и петь,
Время молчать и ждать,
Знающий жизнь и смерть,
Дай мне о них понять –

Первого вдоха срок,
Первого крика боль,
Каждого дня итог,
Что мы возьмём с собой,

Выдоха глубину
В эхе посмертных лет...
Лбом ко Кресту прильну
Тихий внимать ответ.

АЛЕКСАНДР ГИРЯВЕНКО

РОДНИКИ

И летом я пью эту воду,
Что в зиму сестра набрала:
Святая, считают в народе,
В Крещенье такая вода,
Что вечно течёт из криницы
Под белой горой меловой,
Для рыб, человека иль птицы
Всегда оставаясь живой;
Бежит себе в реку, не зная,
Что там, впереди, её ждет.
А, может, святая, живая,
Она речку нашу спасет?..

ЛЕС

От земли украинской до нашего белого края
В тихой дрёме полян, в чудном пении птиц
Лес стоит и шумит, и звенит, не смолкая,
И ветра на деревьях листву, словно книгу, листают.
Лес не знает границ.

Меж высоких вершин будто омыты – неба прогалы,
А внизу, у подножий – зеленый ковёр из травы.
И лучом – предзакатным ли, утренним –
жёлтым иль алым –

Солнце словно считает – не пересчитает стволы.
В Спас медовый иль на Покрова
или в праздник иной и поныне
Светлым летом иль осенью щедрой,
или весенней порой
Он вас встретит с грибами, орехами
или с дарами другими.

Он приветит тебя, если ты одинок и печален,
как блудного сына,
Старый добрый отец привечал
после долгих и трудных дорог.

РУСЬ

По картине Г. Кудрявцева

Переходы белые церквей.
Окна в них, а выше – купола.
Милые мои друзья, среди друзей –
Рад, что это вижу я.
В русской удивительной картине
Золото крестов и звон колоколов.
Если жизнь из нас всю душу вынет,
Нам они своё споют без слов.

* * *

Река, водою ключевой дышащая,
Кувшинками на облака глядящая,
На сумрачный прибрежный лес,
На жаворонка, в вышине висящего;
– Дай, Боже, нам и днесь,
И в тишине ночной
Зреть её плещащие воды
И оставаться на земле
Среди природы,
И познавать глубины тайн Твоих,
И ведать счастье, открывая их.

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

* * *

Андрей Первозванный,
Святитель Руси...
Окутана тайной
Днепровская синь.
На холм он выходит
И смотрит окрест,
И молится долго,
И ставит свой крест.
Здесь будет София
И град золотой...
Здесь будет Россия
И битва с ордой...
А Сергий-пустынник
И братья его
Воздвигнут святыни
Над синью снегов...
И он их провидит,
Апостол Андрей,
Но плачет о сыне
Сегодняшних дней...

* * *

Восьмиконечные кресты
Опять сияют
над Россией,
Опять сожженные мосты
Мы строим,
духом обессилев...

Но только примет ли Господь
Своих детей
заблудших, сирых,
А их истерзанная плоть
Сумеет ли сей труд осилить...

* * *

Голубые соборы России,
Золотые твои купола,
Желто-белые, алье лилии,
Розоватые по утрам...
Из безвременья вы восстали,
И опять над землею моей –
Колокольная медь густая
И тоска, разлитая в ней...
К ослепительным бликам утра
Колокольный восходит гул...
Долго-долго же бес нас путал.
Долго верили мы ему...
Заблудились людские души
В наших долгих туманах багряных...
Но небесную музыку слушая,
Забываешь дни окаянные.

* * *

Родился я под звездами Стрельца,
Бродяга и философ по натуре,
Не испытал жужжания свинца.
Но долго ждал и мне отлитой пули...
Она отлита для меня давно,
Но все спала в заброшенном патроне,

Пока я куролесил, пил вино,
И звездочки сияли на погонах...
А вот теперь стреляют без меня,
Другие носят звезды на погонах.
А я пытаюсь до конца понять
Моей земли жестокие законы...
Кто виноват, что снова льется кровь?
Кто направляет дуло автомата?
Кто поджигает безмятежный кров
И кто плюет на русского солдата...
Жестокие вопросы бытия,
И в них порой не просто разобраться..
Неужто человек – лишь «матерьял»,
Которым можно запросто бросаться...
И целый мир, который пуля рвет,
Для космоса и жизни исчезает.
Так для чего же человек живет,
Иль кровь других ему чужая ?...
Но проливая человечью кровь,
Он льет свою, в свою живую землю,
И под землею прорастает вновь
Вражды и зла разбухнувшее семя.
Недобрый злак, но мы его растим.
И множим зло с невероятной силой...
О, Господи, неумных нас – прости,
О, Господи, от злобы нас помилуй...

* * *

Спаси себя,
Великий мой народ!
Страну родную
Возроди из праха...

Душа России
Всё еще живет,
И головы сынов
Еще не все на плахе...
Какая гниль
В просторах завелась!
И как она подтачивает
корни,
Какая сила
Гонит из села
И почему
Оплёвывают воина?
А сами мы –
не губим ли себя,
Разбрасывая силы
по простору,
Вбирая в души весь
вселенский яд,
И так бездарно
Рассыпая порох.
Моя страна
Осталась без царя,
В моём народе
Потушили веру,
Но свечи по церквям
Уже горят,
И купола восходят
Над химерой...

НАТАЛЬЯ ДРОЗДОВА

РАССВЕТ НА ДИКОМ ПОЛЕ

*200-летию со дня рождения митрополита
МАКАРИЯ (Булгакова) посвящается*

1

Вспрыгнет петух на забор, как на старт.
Вспыхнет роса в луговине остылой.
Мир благодарно отверзнет уста
славу слагать дорогому светилу.

Гуси гогочут, спускаясь к реке.
Свистнул сурок, выпрямляясь над кочкой.
Солнца не знает, не видит, не хочет
рыба, забытая на крючке.

2

...средь звонких тропинок, где церковь цвела на горе
и дедушки Фёдора рядом могилка была,
один только выцветший крест, и стучат на заре
былинки по ветру, а чудится – колокола.

Накроют столы, будут праздновать день Покрова.
Престольная память – пристанище, свет и уют.
Съезжаются добрые люди – деревня жива!
Но нет меня там.
Не приеду я.
Да и не ждут.

О, как было страшно! Да только ни страх, ни семья...
Меня сохранить в бездорожьи кровавых дорог
сумела одна лишь Пречистая Матерь Твоя,
бездомный,
нерусский,
святой,
безлошадный мой Бог.

3

Увы, не швея, не стряпуха, не жница.
И, видно, не буду уже никогда.
У странного мастера всё в ученицах
хожу. А в полях за страдою страда
летят. А за окнами – стаи.
Зовут. Только я – всё «потом» да «потом».
Она мне, что келия – та мастерская.
Она мне – и поле, и школа, и дом.
О, щедрые нивы Отцовских владений,
родимой деревни цветенье и тлен,
простите, простите моё дерзновенье:
парить над землёй, не вставая с колен,
дыша горним дымом и запахом глины,
вникая в высокие муки Творца,
чтоб мыслью добраться до их сердцевины,
чтоб сердцем достать до родного крыльца.

4

На табуреточке у печки –
за пологом, в углу укромном,
как посреди земли огромной,
сижу. Волнуется сердечко.
К груди усердно прижимаю
игрушку – клоуна больного.
Как будто братика родного,
люблю его и понимаю.
А вдоль стены – совсем напрасно –
расселись куклы, ждут парада.
От их немыслимых нарядов
ему и скучно, и ужасно.
Пусть нас никто не замечает
за пологом, в углу укромном,
пусть на руках своих огромных
нас вечность бережно качает.

5

Годы, как воды. А я без тебя живу,
Нежеголь, речка моя. Перестала и сниться.
Странный художник – он синим рисует траву,
хатку с горящим оконцем, ветлу и криницу.

Вылетит в ночь несмышлённый смешной мотылёк.
Странный художник ему огонёк нарисует.
Нежеголь, Нежеголь, где же твой Нежеголёк?
Кто меня ждал на скрещенныи столетий и судеб?

6

Чтобы ему присниться,
Нужно до света встать.
Тронет журавль криницу.
Лодку отвяжет тать.
Пастырь стада гонит.
Люд стережёт дома.
Листья глядят в корень.
Речка течёт сама.
Ветер своё стонет,
Только иной распев.
Рыбка в сетях Христовых.
Буквица на песке.

7

Ты помнишь – розовое платье,
глаза в глаза, в руке рука, –
как Духов день в свои объятья
нас принял и унёс в века.
От разорённой колокольни,
от жалкой участи земной.
Мы не ходили по окольным,
мы шли дорогою прямой
через некошеное поле.
А там цветы, цветы, цветы...
Мы не искали сладкой доли,
хотели только чистоты.
И шли, как под благословенье,

к руинам храма и пока
не достигали откровенья –
что жизнь прекрасная хрупка,
что плоти тяжелы оковы,
врата желанные тесны.
И не было креста другого,
дороги, времени, страны.

8

Бродит вечность по округе, ищет утро или вечер,
или миг необратимый, что на славу обречён.
Где-то там в чаду вокзальном я иду ему навстречу.
Плат воскресный бел и шёлков и струится на плечо.

Я несу ему тетрадки – поминальные записки –
от людей из Бела Града и окрестных деревень.
Он проездом из Тамбова – новый харьковский епископ, –
с земляками помолиться в дивный праздник – Духов день.

Строгий пастырь, добрый инок, благодетель и наставник.
Припаду к его деснице, я ведь знаю: это он –
стихотворец, проповедник, городов небесных странник –
в нашей ветреной Отчизне заложил на камне дом.

Я пройду по коридору, где в наиве день был ярок
и сквозит с тех пор благая нескончаемая весть.
Я псалтирь перелистаю – старой матушки подарок.
Скажет мне пророк: мужайся – жизни нет, а счастье есть.

В полночное окно глядит звезда,
открытая земле, тоске и мраку –
Пейзаж сезонный, заключённый в рамку.
И тихо так, что слышно поездам
дыханье душ, заполонивших дом,
и капанье на стол свечи тягучей.
Покой и мир. Неоспоримый случай.
А где-то рыбой пахнет водоём, скрипят мостки...
Свой сон себе в бреду
досказываю робкими словами,
а кажется, что папе или маме.
А он уж наяву... на берегу,
у станции, где сходятся пути
небесных и подземных переходов.
Пойдём, звезды! Семьи своей уроду –
что жизнь прожить, что поле перейти.

Уходя в чужие города,
не забыть про холод в доме отчем.
Отражает невская вода
всё, что псалмопевец напророчил.

Обскурантов хмурые полки,
встречь им стихотворства вольный ветер.
Дом Мурузи – падуги легки.
И проспект Непокорённых светел.

Что нам страх, коль мазаны уста
миром Александро-Невской лавры.
Что нам чернь! «Макарьевский устав» –
камертон, редактор, цензор главный.

Чёрной речки профиль ледяной.
Отче светлый... будь всегда со мной.
Отче мудрый... тёплая рука.
Даль смурна.
Да будет смерть легка!

11

Вот и автобус. Сяду у окна.
Куда захочет, пусть бежит дорога.
Мне всё равно – за пазухой у Бога
вся даль до бесконечности видна:

куда идёт бесстрашная страна
поверх гробов, больниц, театров, строек
и с ней её бесхитростный историк,
кому сама история верна.

Вдоль крепостной стены – полынь, пустырь.
У Нежегольска, выйдя из киота,
свернёт тропа в Московские ворота.
А там, глядишь, – и Чудов монастырь.

Церквушек россыпь – нерушимый щит.
Платочки. Свечки. Памятные плиты.
А на Тверской из уст митрополита
хвала поэту Пушкину звучит.

А значит, оба помнят обо мне.
И снова на скрещены дерновений
покой и славу обретает гений
на Маковца сияющем холме.

А с ним и я, в земляческом хмелю,
в сиротском деревенском габарите.
Он мне отец, пророк и тайнозритель...
Москва, Москва... как я тебя люблю!

Как он силён – учёный и монах,
не знающий тоски, сомнений, лени.
В синодике его к родным селеньям
плывут послушно наши имена.

12

Зимовенька, Зимовенька –
травы тучные в пыли –
золотая деревенька,
сердцевиночка земли.
Колыбельно-карусельно
зазвонила-зазвала.
Вот и я до воскресенья,
до бессмертья дожила.
И гляжу с высот запечных
на безмерный жизни дар.
А под яблоней сердечной
закипает самовар.
Птички с неба прилетели,
приземлились и поют.

И нарядные качели
зной туда-сюда снуют.
Книжки новые – раскраски –
открывает детвора.
Чуткий сон. Начало сказки.
Чудотворная пора.

13

Всенощного бдения гаснут страницы.
Вечорошний ангел сложил аналой.
И утренний ангел у тайной криницы
сшивает пространства незримой иглой.

Текут к белохолмью под светлые кровы
плоды черноземья поветрий лихих.
Спешат диким полем в селенье Сурково
герои, поэты, волхвы, пастухи.

Там в жупеле сером, в золе бестелесной
дрожит уголёк в окружении бед.
Ах, Мишенька, Мишенька, братик болезный –
то жар, то озноб – послабления нет.

Печальные будни, сиротская доля.
Голодного дома холодный уют.
Родимая матушка – слезоньки вдовьи.
И батюшка крёстный – учёба и труд.

Отцово молитвы да ум благородный.
И богохранимый учёности крест.
И встал Михаил – отрок ясный, свободный –
лукавому племени наперerez.

Закрывшийся книжкой от взглядов сторонних,
затворник, монах одиночеству рад.
Он только лишь Истины пылкий поклонник.
И лишь милосердью соратник и брат.

И добропобедны почёт и величье.
Высокому слову послушна рука.
Любовью сыновьей и митрополичьей
воздвигнут для родичей храм на века.

Здесь благодаренье звучит непрестанно.
Струится из камня живая вода.
И видно сквозь вечности синие ставни,
как жизнь торжествует в сентябрьских садах,

как юркою стайкой к отцу Александру
ожившие птенчики льнут – под крыло.
Не бойся, любимое малое стадо.
Пусть тати боятся – уже рассвело!

Хоть запахи трав перемешаны с гарью,
война не напрасна и жертвенна кровь.
По милости Божьей светлейший Макарий
в краю Белоградском рождается вновь.

Этот мальчик белокурый со своей свечой горящей – он стоит на панихиде. Рядом ангелы стоят. Он как будто незнакомый, но живой и настоящий. А с иконы смотрит Матерь. И её покоен взгляд.

А её святые слёзы пали дождиком на землю. Просыпаются стрекозы. Возвращаются цветы. Вопреки законам мира прорастает счастья семя. И влекут его побеги от бесплодной суеты.

Пробуждаюсь и не знаю – это явь или виденье: вдоль реки хоругвей шелест, копья грозные тихи. Видно, снова будет сеча. Будет труден новый день мой. Но откуда эта радость в звуках царственных стихир?

Как нам жить на этом свете, мы не знали, но – любили. И бездомными скитались. И погибли на войне. Этот мальчик ясноликий – наша вера стала былью – он молиться не устанет о тебе и обо мне.

ЕВГЕНИЙ ДУБРАВНЫЙ

МОИ ЖУРАВЛИ

Светлой памяти брата Алексея

В поднебесье опять зазвучала
Песня-клич на высокой струне.
Сколько боли в ней, сколько печали
И тоски по родной стороне...

Пусть поет журавлиная стая
Православную песню свою,
Может, скоро и я, отлетая,
Слабым голосом ей подпою.

Подпою по-есенински нежно,
По-рубцовски свежо и светло.
И почувствую всю неизбежность
Расставанья с небесным теплом...

Над погостом моим и над станом,
Невеселый мотив обронив,
Отпоет меня грустная стая,
И оплачат мои журавли...

ПАСХА

*Посвящается Митрополиту Белгородскому
и Старооскольскому Иоанну*

Какое солнце в этот день чудесный!
Пасхальный дух возвысился в зенит.
И в каждом храме православной песней
Спасителю земной поклон звенит...
И крестный ход возвыщенно и чисто

Неспешно шествует, приветствует Христа.
И Он, Сын Божий, облачно-лучистый,
Уходит ввысь, где свет и чистота.

И вот Все вышний праздничною вестью
На нас нисходит с голубых небес...
– Христос воскрес! – уходит в поднебесье.
И слышится: – Воистину воскрес!

ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Александру Масленникову

Июльский день! Он освящен Казанской...
И все земное чудотворства ждет.
Поет хвалу небесное пространство –
Отмечен тот, кто в этот день рожден.

Вот юноша задумчиво-счастливый –
Его, видать, успел отметить Бог:
В стремленьи пронести ту чашу мимо
Перстом благословляет на любовь.

На ту любовь, где правит дух прощенья
И где гордыню укрощает ум.
В прощеньи наше общее спасенье,
Но только разум полон скорбных дум.

А думы те – о наших грешных душах,
Заблудших в темном жизненном лесу...
И хочется молчать. Молчать и слушать
Смиренный звон, что небеса несут.

МИХАИЛ ДЬЯЧЕНКО

* * *

Мне старец говорил:
«Запомни, чадо, строго –
Так не живи, как жил,
Позабывая Бога!

Здоровье береги
Своё – для покаянья.
Все отдавай долги,
К чужим – утрать вниманье.

Постись – до худобы.
Среди духовной битвы
День – лучше для борьбы,
Ночь – благо для молитвы.

Поклонами встречай
Своё и Божье утро!
На зло – не отвечай,
Но преграждай – так мудро.

Усердствуй, возлюби
Других, хотя немного...
Беги от всех, терпи.
Спасайся! Ради Бога!»

* * *

Лист живёт
Теплом, сияньем
Праздничных небес.
А душа –
Напоминаньем,
Что – Христос воскрес!

Береги себя –
Для встречи,
Для родной души...
Где бы ни был ты далече,
Друг мой, поспеши!

* * *

Радость и покой моей души –
Эта вот безлюдная дорога,
Речка, что зарылась в камыши,
Солнце, лес да облаков немного.

Речка за деревьями блестит!
Я иду, как захмелел немного:
Лес шумит, дорога не пылит,
Хорошо, всё славно, ради Бога!

НА ПАСХУ

Солнышко рассветное играет.
На небе – как прежде, сквозь века –
О Христе, Пречистой Деве, Рае
Белые вздыхают облака...

В этой малой тайной передышке,
Светлою минутой бытия –
Мое сердце тает от излишка
Милости, излитой на меня!

* * *

Душа хранит завещанное слово.
Оно таит – но только до поры –
Означенные вечности основы:
Вселенные и новые миры.

Но в бесконечном ряде представлений
И в гамме чувств, сопутствующих им,
Твой не услышит обморочный гений
Земное слово, сказанное Им.

Там, на вершине духа и познанья,
Куда придёшь единственным путём,
Там, весь светящийся Огнём,
Мрак победивший – примешь покаянье!

* * *

В погожий летний день,
Недалеко от храма,
Я шел своей дорогой
По луговой траве –
И думал: хорошо,
Что есть на свете мама,
Душа и красота –
И птичий хор в листве!

.....

Так думалось тогда...
И звон лился от храма!
Теперь – стою я тут
Средь луговой травы.
И все, как встарь, со мной;
И лишь тебя нет, мама...
Но – Бог, но – храм, и – свет
Небесный синевы!

ИНОКИНЯ

Она жила и повторяла
Слова молитвы золотой,
Как будто двери отворяла
В мир, мне неведомый, иной.

Она так тихо предстояла
Перед иконою святой,
Что слышно было, как играла
Лампадка с яркою свечой.

О МОЛИТВЕ

Тревоги и смятенья улеглись.
Молитвой обездвижен мир людской.
Свет с теплотой по сердцу разлились:
Безмолвие, бесстрастие, покой.

Мир и спокойствие в душе моей:
Там – Бог Отец, Бог Дух Святой, Христос!
И тишина возвеяла в уме,
И сердце тишиной отзвалось.

НЕУСЫПНАЯ МОЛИТВА

В.К.

Ночь. Тишина. Свеча горит.
Спокойствие – на бледных лицах.
Монах монаху говорит:
– Иди, поспи, мой час молиться.

Лесная пустынь – их причал.
И храм, где можно причаститься.
Сюда их Сам Господь послал
За землю Русскую молиться!

У ХРАМА

Падал на ступени,
Глядя на дорогу...
А дорога к Богу,
А дорога вдаль.
Так теки за мною,
Милая дорога!
Так струйся за мною,
Как моя печаль...

Там, за далью, гляну –
Ох и жутко! Взвою:
Все мне – как напрасно,
Все мне – как не жаль.
Я совсем не знаю:
Как мне быть с собою...
Если б не дорога
К Богу да печаль.

ВАЛЕРИЙ ИГИН

* * *

Веселое утро Господне,
Рожденье Воскресного дня
Приветствует миром сегодня,
Улыбкой
Людей и меня.

И слышится песня восторга
И звон колокольный небес.
И верится в радость и в Бога,
И в Сына Его, что воскрес!

* * *

Изнывает душа от мучительной жажды
Видеть Русь на победном и белом коне,
Чтоб за нею потомки стремились отважно
Жить и в счастье, и в мире в любимой стране.

И когда то случится, я все же не знаю,
Но надеюсь и верю – тот близится миг.
На победном коне Русь воспрянет святая,
Как Георгий, что дьявола-змия настиг.

* * *

Я не молюсь – меня не приучили,
А Богу врать, молясь, я не могу.
Притом меня родители крестили,
Тот крест святой я чту и берегу.

Чтоб на краю, пред бездною сурою,
Когда в глаза ворвётся вечный мрак,
Душа, как друг, простить была готова
Мне грех земной – испепеливший страх...

МОНАСТЫРСКАЯ ПЕЩЕРА

Монастырская пещера –
Меловой подземный храм –
На земле родной и щедрой
Служит людям и векам.

Служит верою и правдой.
И молитвою святой,
Служит жизни, Бога ради,
В центре Родины самой.

Словно в сказке: слово – скоро,
Ну, а дело – даль и ширь.
И над водами Оскола
Ожил древний монастырь.

Благодать земель окрестных
Приросла судьбой навек.
И моя душа, как в детстве,
Вновь зовет на праздник всех...

ВИКТОРИЯ КАН

* * *

Это в городе одиночество чувствуется,
А за городом – я не одинока.

Птица пролетела. Где вы, мысли грустные?
Светится, играет чистая протока.
Небеса без облаков! Ах, не зашторены!
На распашку пашни. И, как прежде,
Во все стороны тропиночки проторены
Для любви, для веры и надежды.

ПРОТОИЕРЕЙ ИГОРЬ КОБЕЛЕВ

ГОСПОДЬ

«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим»
(Исход 20, 2-3)

Среди «богов» лишь Ты один – Господь,
И нет иных, Тебе подобных в славе.
Вселенную, как наши дух и плоть,
Своим единым Словом Ты составил.
Тебе подчинены и свет, и тьма,
И жизнь, и смерть, и время, и пространство...
Все созданное – «хорошо весьма»
Любви Твоей объемлет постоянство.
Тебе поют и солнце, и луна,
И холод, и жара, и снег, и ветер,
И дождь, и град, и гром, и тишина,
И всякое дыхание на свете.
Как бесконечны все Твои дела!
И в этом мире, проходящем мимо,
Как Дух Твой заставляет силы Зла
Служить Добру – для нас непостижимо.
Ум человечий слаб, но не привык
Смиряться с тем, что многое – далече...
Вот почему ты, грешный наш язык,
Так похотлив на суетные речи.
Замолкни перед Славою всех слав
И потерпи: осталось ждать недолго,
И скажешь сам: «Да, абсолютно прав

Лишь тот, кто всею жизнью славит Бога!»
С небес на землю – дух, душа и плоть, –
Вот лестницы ступени, что поставил
Среди «богов» лишь Ты один – Господь,
И нет иных, Тебе подобных в славе!

СЕРАФИМОВСКИЙ СОНЕТ

*250-летию со дня рождения
преподобного СЕРАФИМА САРОВСКОГО,
всех России чудотворца*

Мы – будто в Горнем Иерусалиме!
Блаженна ныне курская земля
С тобою в сердце, отче Серафиме,
Творца в едином Духе восхвалять.
Столетья, словно дым, перед очами
Проплыли над российскою страной,
И вот, по воле Божьей, в град родной
Вступаешь ты нетленными мощами.

Возможно ль необъятное объять;
Пройти твой путь, ведущий ко спасенью,
Креста благое бремя понести?

Молись же, отче, чтоб нам восприять
С твоей любовью – радость Воскресенья
И тысячи вокруг себя спасти!

ПОМИЛУЙ, БОЖЕ...

*Опыт современного поэтического перевода
50-го Псалма святого царя и пророка Давида
(1000 лет до Рождества Христова)*

Помилуй, Боже, Ты меня
По милости Твоей великой.
Щедрот крылами осеня,
Омой, очисти грех мой дикий.
Я зло, лукавство сотворил,
И грех мой – вечно предо мною.
О, если бы Ты примирил
Свой правый суд с моей виною!
Я в беззакониях зачат,
И мать в грехах меня рождала,
Но Истины Твоей печать
С любовью дух мой утверждала.
Лишь окропи меня слегка,
И стану чист, белее снега.
Где слуху радость велика,
Там и костям смиренным – нега.
Лишь отврати Твое лицо
От грязи, от грехов постылых ,
Чтоб совести больной кольцо
Не сжало дней моих унылых.
Молю, не выброси меня
В край, где лицо Твое не светит.
Святого Духа не отняв,
Не дай мне вечных мук на свете.

Лишь сердце чистым воссоздай,
Чтоб не истлеть ему во гробе,
И духу обновленье дай
В моей иссохшейся утробе.
Владычным Духом утверди
Меня в сей радости спасенья,
Чтоб мой язык дивней всех див
Прославил чудо Воскресенья.
Я беззаконных просвещу
Твою правдой неуклонной
И нечестивых обращаю
На путь единственно законный.
Пусть в битвах пролитая кровь
Не будет мне во осужденье...
К Тебе и к ближнему любовь
Пусть прочь сметет все огражденья...
Благоволением Твоим
Коснись Сионских стен и башен,
И встанет Иерусалим
Предвечной славою украшен.
И лишь тогда, и лишь в тот час
Ты примешь наши приношенья.
Огонь алтарный не угас,
Он ждет тельцов для всесожженья!
...Помилуй, Боже, Ты меня...

НА РУБЕЖЕ

*Святителю ИОАСАФУ,
епископу Белгородскому, всея России чудотворцу,
в день прославления и второго обретения мошой*

Девятьсот девяносто седьмой,
Девятьсот девяносто восьмой,
Девятьсот девяносто девятый,
Приводя нашу совесть на суд,
Испытанья и грозы несут
Пред рубежной в истории датой.

От руин окровавленных дым
К небесам поднимался седым.
Меркло солнце, носились кометы,
И морозам отчаянных зим
Шел на смену палиящий жар лета.

Содрогалась поверхность земли,
Гул, как стон: поезда, корабли,
Самолеты в небесной дали
И машины в дорожной пыли,
Как в былье века пилигримы,
Песнь и плач, боль и слезы несли,
Направляясь к Иерусалиму...

Вихрем века и к нам донесло
Неизбывную скорбь и тревогу,
И по Промыслу Господа Бога
В сердце каждое прочно вошло
Слово: «Бысть искушение много...»

Но на стыке рубежных годин
Православный народ – не один:
Свыше посланы нам покровители.
С ними перед Всеышним сейчас
Воссылаешь молитвы о нас
Ты, земли белгородской Святителю.

Поспешим же к мощам твоим пасть,
Чтобы не потонуть, не пропасть,
Не исчезнуть во мраке заклятом,
Как взывали мы в страхе святым
В девятьсот девяносто седьмом,
В девятьсот девяносто восьмом,
В девятьсот девяносто девятом...

МОЛЕНИЕ С ПОЛЯ БРАНИ

*Святителю ИОАСАФУ, епископу Белгородскому,
чудотворцу*

В полночной тьме и в утреннюю рань,
И день, и вечер на дорогах «биографий»
Со злом не утихает наша брань,
Святителю Христов Иоасафе.

Теперь щит веры нам нужней всего,
В крови, в жаре ожесточенной битвы.
Как знамя нам – свет лика твоего,
Как острый меч – огонь твоей молитвы.

Нам дан пример, как в мире этом жил
И вел ты брань со смертными грехами,
И дивно песнь победную сложил
Сквозь даль веков звучащими стихами...

И ныне перед строем нашим стань,
Веди сквозь искушения и беды,
Премудро направляя эту брань
Ко Царству Вечной Славы и Победы!

У ИКОНЫ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ РАТНОГО

Так тернистые, так невеселье
Жизнь открыла пред нами пути...
С Божьей милостью, отче Николае,
Помоги их достойно пройти.

Искушений сурою школою,
Испытующей душу и плоть,
По мольбам твоим, отче Николае,
Возрастать нас научит Господь.

Вновь над Церковью – тучи тяжелые,
Тьмою Русь обступают врази...
Обнажив меч свой, Ратный Николае,
Словом Божиим их порази.

Чтоб тебе, правой веры учителю,
С дивной песнью народы Земли
Чудотворцу, отцу и святителю
Благодарно сердца принесли.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГИМН

Вновь красит Звезда небо древней планеты,
Вновь Ангелы Божию весть принесли,
Младенцу-Спасителю песни воспеты
От каждого сердца до края Земли.

Несет Он свет мира и благоволенья,
И тьма отступает и тает вдали.
Встает Солнце Правды, идет обновленье –
До каждого сердца, до края Земли.

Небесного Хлеба предвечным рожденьем
В поля, где суровые выюги мели,
Приходит Спасенье весенним цветеньем
До каждого сердца, до края Земли.

Восславим Отца, благодарные дети,
Чтоб веру по жизни своей мы несли
Дорогами третьего тысячелетья –
До каждого сердца, до края Земли.

ЖУРАВКА

Над Журавкой летят журавли
И курлычат в осенние дали...
Чьи-то души идут от земли,
Где любили, грешили, страдали...

Где был храм – лишь бурьян да кусты.
Меж деревьев на старом погосте
Чьи-то звезды и чьи-то кресты,
А под ними – истлевшие кости.

Им ни чести теперь, ни стыда,
Ни забот об «успехах колхоза...»
Но – восходит дневная звезда,
И в стихи превращается проза,

И теперь бывший школьный музей
Божьим храмом становится снова.
И врагов обращает в друзей
В этом храме звучащее Слово...

Лишь о тяжких страданьях земли
И о людях, что их испытали,
Над Журавкой кричат журавли,
Улетая в осенние дали.

РОЖДЕСТВО В ХОЛКАХ

В эту ночь Свет Любви разливается
Во вселенной и здесь, на Земле...
Удивительно переживается
Встреча Бога в старинном селе...

Тишина. Все вокруг – будто вымерло.
Мчит беззвучно Оскола вода...
С высоты, с храма князя Владимира
Вифлеемская светит Звезда!

Храм Донской – Дом молитвы под нею
Нам дороже всех «света чудес»!
Хор поет... Только вот все яснее
Пенье Ангелов слышно с Небес...

Храм в пещерах – веков отраженье,
Щит молитвенный в сей дивный час
Вдруг явил свое преображенье –
Стал Священным Вертепом для нас!

В душах все открыв «двери» и «дверцы»,
Слезно молимся мы в Рождество,
Чтоб Господь, видя каждое сердце,
Принял нас, как с дарами волхвов!

В НАЧАЛЕ ЗИМЫ

Зима открыла перед нами двери,
И чистым снегом расстелив простор,
Господь для всех – кто «верит» и «не верит» –
Как будто бы путь новый распростёр.

На том пути – и ясных звёзд сиянье,
И тиши природы, и пурги молва...
На том пути – и пост, и покаянье,
И радость мира – встреча Рождества.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

В огнях – поселок, и душа – светла...
Я вновь – где все так близко, так знакомо...
Меня дорога к дому привела
И скоро снова поведет от дома...

Звучи, молитва, ярче и живей:
На всех путях, тернистых и неровных,
Храни меня, Господь, по милости Своей,
Молитвами апостолов
Своих первоверховых!

ВЕРА КОБЗАРЬ

РОЖДЕСТВО

В сельском храме сладко пахнет ладаном,
Теплый свет струится от лампад,
За окном снежок нарядом свадебным
Украшает яблоневый сад.

Из-за тучи выплыл угол месяца
Посмотреть, как ясен мир и прост.
Высоко звезда взошла и светится
Ярче всех горящих с нею звёзд.

Детский голосок звенит на клиросе,
Как хрусталь, мелодия чиста –
Ввысь стремится, с пожеланьем мира всем,
В светлый час рождения Христа.

* * *

Сестре Лиле

Тают звёзды. Утром мир разбудит
Быстрый ветер, пробежав по крышам.
Ты спросила: «Что же с нами будет?»
Я сказала: «Знает лишь Всевышний».

Знать до срока – нет в том интереса,
И жалеть о том, что раньше было,
Лишь бы видеть, как светло над лесом
Зорька затеплилась и остыла.

Видеть бы, как утром у колодца
Мама нам студёной даст водицы,
И на горку выкатится солнце,
Озаряя радостные лица.

* * *

К заутрене звонят колокола,
И улетает звон под небо вешнее.
Душа иную силу обрела
В молитвах и раскаяниях, грешная.

...А колокол без устали звонит,
Приветствуя простивших и прощенных.
И солнце катит медленно в зенит,
Целуя купол неба золоченый.

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Зазвенели солнечные струны,
Вспыхнули веселые зарницы –
Словно кто-то в тишине безлунной
Уронил с небес перо жар-птицы.

Подымалось солнышко над лесом,
Радугами яркимиискрилось,
Стройным пеньем души озарились,
Колокол звонил: «Христос Воскресе!»

МОЛЧАНИЕ

Звезда полночная горит
И нежит мир своим сияньем,
Ты, говоря – не говори
Исполнись внутренним молчаньем.

Тогда на донышке души
Лампадка радости засветит,
Спаситель чудо совершил –
Любовью на любовь ответит.

И свет прозрит твои глаза,
И вдруг лицо твое омоет
Молитвы трепетной слеза,
А ангел к Богу путь откроет.

Ты, говоря – не говори,
Исполнись внутренним молчаньем,
Еще горит звезда, горит
И нежит мир своим сияньем.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

В доме пахнет сладкою ванилью,
Терпкой хвоей и бельем морозным,
За окном зима, расправив крылья,
Выбелила снегом вечер поздний.

У икон свечу свою затеплю,
Помолюсь о тех, кого нет рядом,
Невесомо-легким белым пеплом
В эту ночь кружится снег над садом.

Тайный свет звезды из поднебесья
И любви, и нежности исполнен,
Рождества Христова светлой вестью
Божий мир торжественно наполнен.

Купола церквей стройней и строже,
Колокольный звон рекою льется.
Сердце верит, милостивый Боже,
Что молитвой этот мир спасется!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Всю ночь зима дворы белила,
Чтоб утром, выйдя из квартир,
Еще сильней душа любила
Весь сотворенный Богом мир.

Рассвет в окне проглянул зыбко,
Вспугнув растерянных синиц.
Иду, навстречу – ни улыбки,
Ни осиянных счастьем лиц.

Блистаёт снег, бела дорога,
И катит в небо солнца шар:
Забыли люди то, что Богом
День этот светлый послан в дар.

ДУША

Душа вдруг запросила
Любви и соучастья,
Душа вдруг запросила
Себе земного счастья.

Стучу в чужую дверь я,
От страха, чуть дыша.
За дверью ведь не звери –
Такая же душа.

Но голос раздраженный,
Как запп в глухую ночь:
«Здесь не приют казенный,
Иди отсюда прочь!»

И, от обиды, горбясь,
Плетусь я не спеша,
Забудь, забудь про гордость
Бездомная душа.

Расправь больные крылья
И, устремляясь ввысь,
С молитвою над пылью
Житейской поднимись!

Небесной акварелью
Горит восток уже,
Господь отыщет келью
Отторгнутой душе.

ОГОНЁК

Вечер сломанной сникнет сиреню,
Всхлипнет речка в объятиях лоз,
И пичуга вспорхнет легкой тенью
Над беседкой из вьющихся роз.
Мягко ночь подкрадется, как кошка,
Ветер сонной листвой прошуршит,
И засветит приветно окошко –
Во спасение чьей-то души.

ЛЕОНИД КУЗУБОВ

ВЕЧНО ЖИВАЯ...

*Моей Бабушке
Марии Петровне ВОРОНОВОЙ.*

В красном углу лампадка мерцала
Перед иконой.
Бабушка Марья молитву шептала,
Бия поклоны.
Свет от лампадки высвечивал скромно
Профиль бабуси.
Было тепло мне лежать под тулупом.
Слышались гусли.
Губы бабуси молитву шептали
Внятно, протяжно.
Чудилось, ангелы в хате витали
Так благодатно!
«Счастья пошли нам, от горя спасая,
Святая Мария.
Ночью и днём нас всегда сохраняй,
Крестная сила».
...Детские годы промчались,
Как птицы, след их растаял.
Но бабушка милая часто мне снится.
Вечно живая...

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

* * *

Я крещён в православной вере,
а креста никогда не носил.

Я своею всё меркой мерил
и наотмашь о людях судил.

И бездумно я жил, без оглядки,
как придётся порой я жил.

Думал, взятки с меня будут гладки, –
и грёшил,
и грёшил...

Во всесилье ума убеждённый
груз гордыни упрямо тащил,
не боялся я быть побеждённым –
и грёшил,
и грёшил...

А когда от бесплодной работы
мне глаза едкий пот заливал,
надо мною невидимый кто-то –
хочотал,
хочотал...

«Как бы в жизни тебя ни крутило,
зной, не мы носим крест –
он нас!»

Это мать мне давно говорила,
а я понял
только сейчас.

* * *

Исчерпаны советы и ответы,
а истина всё так же далека.

Вопрос – как жить,
что дуло пистолета
у виска.

И жизнь – как будто под прицелом.

И выверить бы надо путь.

Когда бы знал, как жить,
но в мире целом

ответ отыщет вряд ли кто-нибудь.

И стонет разум, вспоротый вопросом,
и эхом вторит бездна по ночам.

Как жить? Ответ найти непросто,
хоть весь переверни словесный хлам.
...И жар в крови,
и натянулись жилы.

Где тот ответ, исполненный любви?

И вдруг отчетливо в сознанье прступило –
ты так живи,
чтоб умирать не страшно было.

* * *

Когда в страстей попав водоворот,
ты вырвешься из огненного круга,
до боли зажимая рот,
не проклинать чтоб ни врага, ни друга,
когда любимых потеряв навек,
простишь казнящего,
предавшего возлюбишь,
когда возненавидишь смертный грех,
но никого ты всуе не осудишь,
и радуясь терновому венцу,
ты, как дитя, безудержно заплачешь,
и должное Небесному Отцу
отдашь,
поймёшь, что в жизни значишь.

* * *

За то, что опытность в грехах,
как мудрость я ценил.
За то, что я
не тех,
не так любил
и благодать на грех менял,
Господь,
прости меня.

За то, что между Сциллой и Харибдой
я невредимым тщусь пройти,
за то, что правду путал с кривдой,
прости меня, Господь, прости.

За то, что чью-то боль
пинал, как мячик,
за то, что в горле ком,
и кто-то где-то плачет,
за то, что необузданная плоть
добру в душе мешает прорasti,
прости меня, Господь....
и за стихи
прости.

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

* * *

Предчувствие беды легло, как тень,
На нашу предзакатную дорогу,
И ты признайся, завершая день:
Мы слишком редко обращались к Богу.
А может, просто вечер наступил,
И удлинились тени всех предметов?
Они бегут туда, где полон был
Наш долгий день – любви, тепла и света.
Вечернюю молитву сотворю,
Чтоб ночь дала костер и свет лампады,
Чтоб мы живыми встретили зарю.
И больше ни о чем просить не надо.
Поймите же, родные: эту ночь
Не пережить без очага и Слова.
Не говори, что некому помочь,
А повтори свою молитву снова.

ВАСИЛИЙ ЛИМАНСКИЙ

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Как пращур мой, я сердцем внемлю
Пасхальным звонам в вышине.
Заря кропит росою землю.
Вокруг светло и свет во мне.
Цветут сады. В лучах играя,
Над куполом сияет крест.
И солнце, ярым воском тая,
Льет радости елей окрест.
Миряне чинно и неспешно
Идут из церкви по домам.
И я, бедой вскормленный грешник,
Припал глазами к небесам.
И принимаю, как спасенье,
Путь на голгофу добрых дел,
Чтоб свет Христова Воскресенья
Свечой любви в душе горел.

* * *

...И счастье не дается в руки,
И камнем давит суeta.
И жизнь полна тоски и муки,
Как на Голгофу путь Христа.
Прощая всех, как в день прощеный,

Учусь я жить, любя врага.
Мой дух, рассудком укroщенный,
Устало входит в берега.
Дай Бог, сыграть достойно в драме,
Где в роли ангела – злодей.
Любовь и Вера строят храмы,
И рушит их вражда людей.

* * *

Как в детстве в мамины объятья,
В траву густую упаду.
Березки – сестры, клены – братья,
Принес я к вам свою беду.
Как хорошо лежать и слушать
Природы вечный разговор.
Она любовью лечит душу
И светом наполняет взор.
Ее загадочные чары
Берут меня в счастливый плен.
И легче мне сносить удары
Нежданных, горьких перемен.
Как поле вешнее, надежда
Оттаивает от тревог.
И край родной родней, чем прежде,
И тайной в сердце входит Бог.

ЮРИЙ МАКАРОВ

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

Захирел мой бедный огород,
От ветров и солнечного пала.
В этот жуткий, суховейный год
Даже сор-трава на нём завяла.

Но, однако, я то там, то тут,
Рву и огурцы, и помидоры,
И веду с соседом разговоры:
Как они, родимые, растут?

Кто им помогает выживать
И всему больному огороду?..
Свет Небесный, надо полагать,
Тот же, что и русскому народу.

УЛЫБКА ГАГАРИНА

В космос проложил дорогу,
За предел расчётных сил.
– Космонавт, ты видел Бога?
– Нет, не видел, – говорил.

И над всей Землёй безмерной
Стал улыбкою сиять...
Мог Гагарину, наверно,
Только Бог такую дать.

АЛЕКСАНДР МАЛАХОВ

* * *

Жене Родионову

Он православной веры не предал
И воинской присяги не нарушил,
Геройской смертью смерть саму попрал, –
И принял Бог его святую душу.

* * *

Стихает колкий звездный ветер.
Не долг день, не вечен век.
Восход сегодня чист и светел,
Как светлой веры человек.

* * *

Церквей колокольный звон –
как свет беспросветных дней:
спасти призывают он
заблудших во тьме людей...

* * *

Кто понапрасну жизнь свою сжигает,
Кто зол – не мне, а Господу судить.
Увы! Рожденный ползать – не летает,
Но даже злой способен полюбить...

МОЛИТВА

В темную ночь,
В тихую ночь,
Господи!
Дай мне себя превозмочь,
Не уступить,
Не отступить,
Спасенным родиться –
Спасением жить.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Весенним чудом по стране согбенной,
преграды все, сомненья все круша, –
Христос Воскресе! –
плыло по вселенной,
«Христос Воскресе!» –
вторила душа.

МИХАИЛ МАШКАРА

МОЛИТВА

Господи, душу мою успокой,
Господи, дай мне оставаться с Тобой!

Господи, видишь – руки дрожат,
Я не могу свои пальцы разжать.

Где-то не в нашем, далеком краю
Дьяволу душу за так отдаю.

Господи, дай же мне силу Свою...
Ближе зима, я уже не пою.

Господи, дай мне оставаться с Тобой,
Господи, душу мою успокой!

ЛАРИСА МЕЖЕНИНА

* * *

От добра добра не ищут,
Что Бог дал, все хорошо.
Солнце светит, ветры свищут,
Снег растаял, дождь пошел.

И веселье, и печали,
И рожденье, и уход –
Я за все благословляю
Дней, ночей круговорот.

Через тусклое оконце
(И во мраке нужно жить!)
Вижу паучком плется
Позолоченная нить.

За неведомым порогом
Небо сердцу свет пошлет.
И ведет дорога к Богу,
Знать, душа по ней идет.

МОЛИТВА

За день, конечно, бабушка устала
И все-таки, присев на табуретку,
Перекрестилась и молитве стала
Меня учить, в те годы – пионерку.
И я слова покорно повторяла,
Еще не понимая, что тогда
Мою судьбу, родная, угадала –
Её молитву повторять всегда.

* * *

Проснулось счастье с талою водой,
И с ним быстрее кровь бежит по венам:
То майскою развернется грозой,
То солнечным лучом скользнёт по стенам,
И дарит вдохновения крыла.
С ним дышится свободно и спокойно.
И я боюсь, крестясь на купола,
Поверить в то, что счастия достойна.

* * *

Зимний дождик – дурень с погремушкой –
Опостылел, сутки пьет и пьет.
Тучи заслонили звезд полуушки,
Будто Рождество и не придет.
Но опять Господь благословляет

Доли, шири, веси, города.
В каждом храме с кротостью сияет
Людям Вифлеемская звезда.
Дождь идет по улицам убого,
В суматохе истово крестясь.
А душа в восторге славит Бога,
Ведь для нас надежда родилась.

* * *

И прошлой надежды не стало,
Когда я осталась одна,
Когда от неверия пала
В глубокую пропасть без дна.
Но вдруг среди боли гнетущей
Божественный свет просиял.
– Дорогу осилит идущий,
Мне голос незримый сказал.
И я в умилении просила,
В душе ощутив благодать:
– Дай, Господи, веры и силы
Мне, падая, снова вставать.

* * *

Свод голубой так чист
В прорези облаков.
Скоро последний лист
Вдалъ унесет Покров.

Мягко ласкает слух
Праздничный звон церквей.
В пальцах дрожащих рук –
Холод осенних дней.

Солнце позолотит
Кроны и купала.
Если душа болит,
Значит – она жива.

В СЕЛЬСКОМ ХРАМЕ

Сельский храм в цветущих вишнях
Утопает. На душе легко,
И спокойно. А над белой крышей
Ласточки летают высоко.
Здесь особый воздух, благодатный,
Свет икон, как окна в горний мир.
И душе не хочется обратно
В клетки комфорtabельных квартир.
Бабушки толпятся у порога,
Прижимая веточки к груди.
К храму путь – особая дорога,
По которой суждено идти.
Матери детей несут к Причастью,
А на лицах Духа торжество,
Жизни полнота, покой и счастье!
Над своим греховным естеством

Мы сегодня празднуем победу,
Выметая из души весь хлам...
За особой благодатью едут
Люди в старый сельский храм.

* * *

Я счастлива, когда цветут
Черешни в платьях подвенечных,
И птицы радостно поют
О неизведанном, о вечном;
Когда стою на берегу
Речушки, камышом поросшей,
И надышаться не могу
На красоту земли промокшой;
Когда любуюсь, как с утра
В окошке луч скользит по раме,
А за окном колокола
Звенят на Пасху в новом храме.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

ПРО УЛЬЯНУ ДРОЗДОВУ

(На 4 сентября 1911 года)

Ульяна Дроздова стояла на Старом мосту,
Ульяна Дроздова провидела всё за версту.
Почто же не едет, не близится батюшка-царь?
А там, по дороге, несли кипарисовый ларь.

Ульяна стояла, и солнце росло в волосах.
В ларце проплывал – словно по небу – Иоасаф
Святитель сквозь Белгород, между сердец и голов,
и к Иоасафу Свой лик приклонял Саваоф.

По Преображенской, по Троицкой, Троицкой, Тро...
И звон колокольный вникал целодневно в нутро
скитальцу любому, что света полжизни искал.
Изюм и Полтава, и Харьков, и Старый Оскол

Сюда притекли поклониться, исполниться, глянь! –
Короча, Ракитное, Грайворон и Обоянь.
Афон, Черноморье, Архангельск, Камчатка, Сибирь...
И в лад мироносный вносил свою долю имбирь,

и луч уготованный место под ларь согревал,
и пепл даже сирый, кто горе свое горевал.

«В час смерти моей приими, Боже, странницу, мя!*–
Шептала Ульяна, себя осеняя тремя

перстами и для** нарочитый воскресный денёк.
И облачко ласково стпало Христовый тенёк.
...Я вспомню про всё: про Христа, про страдальца-царя,
про Иоасафа, несомого в сень алтаря,

про Иулианью Дроздову, прабабку свою;
Ульяна, родная, и я там с тобою стою –
на Старом мосту, на посту белгородском, живой,
радея о главном безпутной своей головой,

вбирая целебный молебенный дух имбиря –
в кровавом столетье, четвертого дня сентября. ***

17 (30) мая 2010,

неделя 1-я по Пятидесятнице, Всех святых.

Заговенье на Петров пост.

Икон Божией Матери «Умягчение злых сердец»
и «Нерушимая стена»

ПЕСЕНКА

Протоиерею Николаю Германскому

Серафим по фамилии Тяпочкин
был обычный на вид серафим.

*Буди благословен день и час, в онъже Господь Бог мой Иисус Христос мене ради родися, распятне претерпе и смертию пострада. О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! В час смерти моей приими дух раба Твоего в странствии суща, молитв ради Пречистыя Твоей Матере и всех святых, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Ежечасная молитва святителя Иоасафа Белгородского.

**Здесь: «продлевая».

***4 (17) сентября 1911 г. – обретение мощей и прославление свт. Иоасафа в Белгороде.

Хоть носил он обычные тапочки,
свет нездешний струился над ним.

Проживал он в посёлке Ракитное
возле яблоньки в малом дому,
и невидное небо блакитное
было видно ему одному.

Приближались дали бездонные
от доселе неведанных слов,
и слетались мы, птахи бездомные,
на прокорм – к Серафиму под кров.

Кто старался у домика этого,
тот такую калитку открыл! –
в обиталище света всепетого,
в помаванье немыслимых крыл.

Не ослабились узы нисколечко
на просторе пустом и потом,
когда лёг возле храма Никольского
Серафим под дубовым крестом.

В огородиках тяпают тяпочки,
я за тяпочку тоже берусь...
И хранит серафимовы тапочки
слободская засечная Русь.

Август, 16–17 сентября 2015 г.
(свт. Иоасафа Белгородского)

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЗАОНЕЖСКОГО БЛОКНОТА

1

Смотри на вечернюю кромку земли,
на ранний

луны невесомой
осколок.

Здесь нет никого.

Лишь часовня Ильи
да церковь Николы.

А люди?

А люди ушли
туда, где асфальты, больницы и школы.

Что здесь?

Только

озеро,
лес молчалив.

И нету резона тут жить никакого.

Холодное небо.

Часовня Ильи.

Да церковь Николы.

В часовне забытой,
 как память гулкой,
 воткнутой в холм
 меж замшелыми елями,
 забился я в бревенчатый угол
 и слушал шорохи двухсотлетние...

От алтаря, и от самой веры,
 остались только старые рамы,
 в пыли
 и перьях перелетного времени.
 Наверное, птицы здесь прихожане.

Наверно, однажды,
 в весну иль осень,
 гонима давнею мукой тайной,
 далекая чья-то
 пернатая совесть
 сюда прилетает.

Когда ей отпустится
 все, что мучает?
 Когда летать ей счастливей станет?

...Задевая звезду колючую,
 ветер треплет
 разбитый ставень...

У ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

А северный мастер такие писал образа,
где Ангел Господень

на землю струился очима,*
и свет, нисходивший с небес дейсусного чина,
на страждущих падал, врачуя, как Божья роса.

И судной печатью горел на Егории плащ,
и не было ни торжества, ни тем паче глумленья
над змием поверженным,

а по песку искупленья
шёл праведник
в красном,
защитник – не волк, не палач.

И если смятенный в надежде всходил на порог,
то видел: клонились к нему состраданые лики –
сквозь кривду столетий, обманную сумрачь олифы,
окладов оковы –

и Матерь, и Сын, и Пророк.

Не зата сусальные,
а – синева, бирюза
на нимбах яснели дыханием горных отметин.
Несуетным сердцем
возвысься до мысли о смерти.

Такие
кирилловский мастер
писал образа.

Август 1988

*Очима – глазами, очами (церк.-слав., форма двойственного числа).

* * *

На каноне покаянном
как нам страшно, окаянным,
исказившимся в лице!
Свечка каплями печётся.
Обо всех Господь печётся.
И о мне, о подлеце.

Крест кедровый. Треск искристый.
Что Андрей ни молвит Критский, –
это точно про меня.
Я во всех грехах виновен –
празднословный гордый овен,
саблезубое ягня.

Заковыка: как ни просишь,
в жертву не себя приносишь.
Раззудись, душа, виной,
жги колени студной* мукой;
перед судною разлукой –
нощный мраз и дневный зной.*

Плачешь? Плачешь. Ах ты, зая!
*Покаянье побызая,**
отрезвляясь ото сна.
Марфа с Марьей на иконе.
И оне со мною ноне.
Накануне. На каноне.
И обновка не тесна.

*Первая седмица и шестая (седмица вайй)
Великого Поста 2013 г.*

*Курсивом выделены обороты из Великого покаянного Канона преподобного Андрея Критского.

РАДОНИЦА

Нас покойнички встречают у ворот,
не видалися мы с ними целый год.

То-то радость, то-то общий интерес!
То-то новость, – говорю, – Христос воскрес!

Большеглазый и улыбчивый народ
населяет этот город-огород.

Здрасьте, родичи-соратники-друзья!
Не сорадоваться встрече нам нельзя.

Вот и свечка на могилочке стоит,
усладительна и радостна на вид:

пламя свечечки колеблется слегка
по причине дуновенья ветерка.

Православные, ну как не сорадеть,
если пасочка с яичком – наша снедь!

Веселитесь, родные мертвцы, –
наши дедки, наши бабки и отцы!

Сядь на лавку, поделися куличом:
дед с отцом стоят за правым за плечом.

Подходи, безплотный дядюшка-сосед,
слушать лучшую на свете из бесед

о земном преодоленье естества.
Мы ведь с вами, мы ведь с вами, вместе с вами...

3–4 мая 2011, Радоница

КАМУШЕК

Песенка калики

Стоит наш батюшка на камушке,
Под кровом бора – как во храмушке.
Как столп, как крест, как Спас-на-кровушке.
И «Богородицу» поет.

Стоит наш батюшка, наш дедушка,
Приходит к дедушке медведушка
Сухарика отведать, хлебушка,
В ладошку влажный нос сует.

Ай, свиристят, щебечут, цвенькают
Пичуги! И пеньки с опеньками
Обсели, а бельчата спинками
У старцевых мелькают ног.
Пусть распространялось семя змеево,
Крепчает дело лиходеево, –
Да диво дивное, Дивеево,
Намолено среди дорог.

А с дедушкою – Божья Матинка!
И, даром что спина горбатенька,
За грешников молися, батенька,
Господень умаляя гнев.
Когда б у старца Серафимушки
За всю за Русь достало силушки
Молиться, не смыкая крылушки –
Два века словно тыщу днев!

Где веют промыслы бесовских,
Там плачут ангелы Саровских.
Но живы серафимы русских,
Покров – их до поры таит.
Повырастала снитка-травушка,
Где стынет борушка-дубравушка.
Хоть нет того на свете камушки,
Да батюшка на нем – стоит.

* * *

В неделю первую Поста
была еда моя проста,
да – тяжек ум. Хотя в капели,
слетавшей с синего холста,
я слыхом слышал Те уста,
что говорили или пели.

В неделю первую Поста
была душа моя чиста
и по отцу сороковины
справляла. И, неся свой крест,
сквозь слезы видела окрест
свои ж безчисленные вины.

Не досчитавши до полста,
я список лет прочел с листа,
и, ужаснувшись, благодарен:
у Гефсиманского куста
мне тоже Чаша – непуста,
напиток огненный – нектарен.

* * *

Маме

Никакой надел не хочу делить.
Я и сроков вовсе не жажду длить.
Но – как Бог велит. Значит, жив покуда.
И, сквозя, как ялик, меж битв, ловитв,
я храним лишь словом твоих молитв.
Знать, свинья не съест, коль продаст иуда.

Много-много звёздочек в небесех.
Отчего же матушку жальче всех?
Погляди, скиталец, сквозь сор метельный.
И видна ли зиронька – не видна,
Но хранит тебя – лишь она одна.
Как един, на ниточке, крест нательный.

ВХОД ГОСПОДЕНИ В ИЕРУСАЛИМ

Песня Ю. Г. Милославскому

«Ай, пойду я вайю заломати!
Ай, пойду я, выйду я за тын!»
«Это Кто там едет на осляти –
от ворот Овечьих к Золотым?

Чей Он, Галилеянин пригожий?
Загляни скорей в Его глаза!
Отчего, скажи-ка мне, прохожий,
вербная качается лоза?»

«Иисус, рождённый в Назарете, –
вот он, под горою Елеон!
Оттого с вербою пляшут дети,
громкою гурьбой взбежав на склон...

Оттого и слышится: «Осанна»,
оттого иссякли хмурь и хмарь,
что теперь у месяца нисана –
молодой и всепобедный Царь!

Радуйся – Пришедшему для Славы,
даже если не вместишь всего!
Это жертва любящего Аввы:
Он прислал к нам Сына Своего!

Оттого и машут – уповая,
доставая до Святого лба
серебром согласным, – пальма-вайя
и сестра, ей верная, верба.

ПАМЯТНИК ВЛАДЫКЕ МАКАРИЮ В БЕЛГОРОДЕ

*На 200-летие Макария (Булгакова),
митрополита Московского и Коломенского*

Серый, синий, зелёный иль карий
невнимательно, быстро скользнёт –
но несёт послушанье Макарий,
на проспекте, года напролёт.

Как ковригу иль даже веригу,
что тяжка, поелику легка,
держит шуйцей Великую Книгу
и читает её сквозь века.

Он читает, да кто его слышит!
Ты ли слышишь? Иль, может быть, ты?
Ветер книжных листов не колышет –
неподъёмны у правды листы.

Но предчертаны альфа, омега –
и проспавшим, и тем, кто без сна,
и для всех – после хлада и снега –
красной Пасхой приходит весна.

Чтоб очнулась душа-Эвридики
в той ночи, где поют соловьи,
просвещдающей дланью, владыка,
сирых страждущих благослови!

3 мая 2016 г, Светлая Седмица,
Иверской иконы Божией матери, Белгород

НИКОЛАЙ МОЛЧАН

МОЛИТВА

Боже мой, сохрани и спаси,
Шар земной удержи на оси,
Подари мне часы вдохновенья
И Твои воспою я творенья.
Я смогу, не солгу, напишу,
Ну, а если и вдруг согрешу –
То лиши навсегда озаренья.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

* * *

И солнце в тучах не померкло,
И гром не грянул в небесах,
Когда в селе помали церковь
У всей округи на глазах.
На битых стеклах гасли блики,
Старухи плакали, шепча.
Глядели свергнутые лики
Из-под обломков кирпича.
В глухом бору кричали птицы,
Как будто знали наперёд,
Что с нами в будущем случится
И после нас произойдет...

* * *

Ночь беззвездна, а всё ж – хороша!
Воздух свежий окутан прохладой.
Эх, душа, что ты хочешь, душа?
Что тебе, беспокойная, надо?
Я тобою одною богат,
Оттого и живу без оглядки,
Оттого мои годы летят,
Словно гуси весной, в беспорядке.
Только чувствую: день ото дня
Убывает богатство святое.

Забирают тебя у меня,
Чтобы ты не была молодою.
Оставайся, пока тебе вмочь,
Лёгкой, тающей с возрастом, ношей,
Как вот эта беззвёздная ночь –
Хоть и сумрачной – всё же хорошей!...

* * *

Мне сказали, как угробили,
Впору взвыть, –
Что поэту выше Родины
Надо быть.
Как на это не посветуешь
Болью строк?
Выше Родины на свете лишь –
Только Бог!..

* * *

День пережит – и слава Богу!
Ф.И.Тютчев

День прошёл – и слава Богу!
Листья падают, шурша,
И к небесному порогу
Приближается душа.
Я не знаю, что там будет
За чертой земной во мгле?
Но я знаю: смерть разбудит
Жизнь иную на земле...

* * *

А делают жизнь не святые, –
В ночи, среди белого дня
Судьбы повороты крутые
Совсем не пугают меня.
За пазухой камня не пряча,
Мы лезли порой на рожон.
Какие решали задачи? –
Рассказывать мне не резон.
Минуя больничные койки,
Не слыша советов врачей,
Создать мы смогли новостройки
В сердцах оробевших людей.
И что нам все речи пустые,
Ведь жизнь – не пустая возня...
Да, делают жизнь не святые,
В душе своей святость храня...

* * *

Да простят меня Бог и Природа,
В ком и символ, и смысл естества, –
Я ворую Слова у народа,
Не стыдясь своего воровства.
Было Слово в начале и Слово
Было с Богом, само было Бог.
Я хочу, чтобы снова и снова
Обрести каждый смертный их мог...

* * *

Вечерние тени ложатся, как будто морщины,
На пасмурно-серый, дождями умытый асфальт,
Сигналя прохожим, проносятся шумно машины,
Обшарив лучами опальной церквушки фасад.
А было же время – сверкала она куполами,
Будила окрестность трезвонами колоколов,
И праздничный люд под святыми её образами
Вставал на колени, словами молясь и без слов.
Какая же сила внушала их разуму веру?
Какое отчаянье в сердце вселяло им страх?
А нынче прохожие мимо проходят по скверу,
Не то, чтобы Бога – себя не признают никак.
О, добрые люди, чего вы от мира хотите?
Какая по нраву вам жизнь и какая судьба?
Вы в эту церквушку хотя бы на миг загляните
Не ради церквушки, а ради спасенья себя.
Но тени вечерние снова легли, как морщины,
На пасмурно-серый, дождями умытый асфальт,
Сигналя прохожим, проносятся шумно машины,
Обшарив лучами опальной церквушки фасад.

* * *

Лишь заря над землёй запылает,
 Тьма растает вдали,
Как в вагонные окна вплывают
 Покрова на Нерли.
И, устав от тумана и дыма,
 Пробудилась весна.
Позади остается Владимир,
 Впереди – тишина.
Ах, Россия!.. Куда же ты мчишься?!

Стой!.. И стать нам вели.
Но едва ли до всех докричишься.
 Покрова на Нерли.
А река белый облик глубоко
 Отразит на мели.
И крестом устремляются к Богу
 Покрова на Нерли.

ВОЗНЕСЕНОВКА

Нет нам от глупости спасенья,
Былое много бед таит.
Давно нет Храма Вознесенья,
А Вознесеновка стоит!
Мы начудили очень много.
Ломать – не строить. И – пошло!
Но, видно, так угодно Богу,
Чтоб уцелело то село.
Всё ж, вопреки мольбе народа,
Ругаясь в бога-душу-мать,
Здесь церковь в памятные годы
Успели всё же разломать.
Ей не дождаться воскрешенья,
Былое много бед таит.
Давно нет Храма Вознесенья,
А Вознесеновка – стоит!

* * *

Розовый мрамор заката,
Вечная стужа пурги.
Время приходит расплаты,
Как от него не беги.
За поднебесным пределом
Спросит Всевышний: «Как жил?
Что ты по совести делал?
В чём ты душою кривил?»

Встану пред Ним на колени,
Пусть ему будет сполна,
Как на экране рентгена,
Вся моя сущность видна.
В потусторонней пучине
Нет ни друзей, ни врагов,
Так что, не будет причины
Что-то скрывать от Него.
Мерзкое... Подлое... Злое...
Вылезет, как ни хитри.
Боже! Прости за такое,
Заново нас сотвори...

* * *

Не скажу, что жизнь нещадно била,
Хоть и небезоблачной была.
В детстве меня бабка не любила –
Ни одной конфетки не дала.
Нелюбовь её была глубока
И была её превыше сил.
Нелюбовь её была от Бога,
Потому что нехристем я был.
В ней жила до смерти в Бога вера –
От неё её не отвратить.
И меня – подростка-пионера
Всё в неё хотела обратить.
Я ж, язык ей показав с порога,
Убегал, икону сняв опять,

А она вослед: «Побойся Бога...
Бог за это может наказать...»
Лишь теперь узнал я, словно новость,
И мой пыл безбожия угас:
Вера в Бога – это вера в совесть.
Сколько же безбожников у нас?
И моя душа вдруг загрустила,
Вспомнив мои прошлые дела.
...В детстве меня бабка не любила –
Ни одной конфетки не дала.

* * *

Hage

Как осенних полей зеленя,
Как весеннего леса одежда,
Две надежды теперь у меня:
Это – Ты и на Бога надежда.
Ты умеешь, как солнце, светить,
Уповать в милосердье глубоком.
Вас мне очень легко совместить,
Так как все мы здесь ходим под Богом.
Я бегу за тобой по следам.
Ну а если порой и обижу –
Я твоей доброты не предам,
Я твоей красоты не унижу.
Мне душою к тебе не остыть,
Так что, это пускай не тревожит.
То, что ты мне сумеешь простить, –
Бог простить мне, наверно, не сможет.

Всё святое в себе сохраня,
Ты живешь и не знаешь: как прежде –
Две надежды теперь у меня,
И никак мне нельзя без надежды...

* * *

Мало дней, ещё меньше лет
На земле живём – так и знайте.
И кого уже с нами нет –
Всех всегда добром поминайте.
Помогайте траве, лозе –
Кто же им, кроме нас, поможет?!
Не желайте вы, чтобы все
Были чем-то на всех похожи.
Нам пред Богом держать ответ –
Это вы на ус намотайте.
И хотите вы или нет –
Всё, что есть, как есть принимайте...

* * *

В кругу одиночества маясь,
Я бьюсь, будто рыба об лёд,
А мне-то и надобно – малость,
Чтоб двигаться только вперёд.
Но плакаться всё же негоже,
Всё прошлое в жизни кляня.
Всего-то и надобно – Боже! –
Чтоб кто-то услышал меня...

ПОСВЯЩЕНИЕ

От бед и невзгод,
От печали и горести,
От гибких дорог,
От мутности вод,
От обмана и подлости –
Храни тебя Бог!
От льстивых невежд,
Промеж нас коих – заросли,
В ком верный подвох,
От смерти надежд,
От корысти и зависти –
Храни тебя Бог!
От правды кривой,
От души обезболенной,
От мира – у ног,
И даже, порой
От себя обездоленной –
Храни тебя Бог!..

* * *

Стерегись ты ото лжи,
Не пророчь нарочно.
Что себе ни предскажи –
Будет всё неточно.
Верь во всё и ни во что,
Шаг чекань не в ногу.
Знай: с тобою будет то,
Что угодно Богу...

* * *

Над полями, над пущами
Туча в небе кружит.
Сколько лет мне отпущено
На земле этой жить?
Сколько смертью украдено? –
Ни к чему ворожить.
Сколько Богом мне дадено –
Столько буду и жить!

ЗЛАТОУСТ

Без печали и без грусти
(С ними нынче не дружу)
Молчаливо в Златоусте
Я по улицам брожу.
Мне молчанье – не обидно,
В тишине – слышнее жить.
В Златоусте как-то стыдно
Безыскусно говорить.
Оттого я и не стану
Подражать в избытке чувств
Златоусту Иоанну
Жалкой речью бледных уст.
Потому-то беспечально,
Оборвав строку, как нить,
Златоустское молчанье
Будет в сердце говорить...

* * *

«И жить торопится, и чувствовать спешит...»

П.А.Вяземский

И жить, и чувствовать спешим,
Смеёмся аки дети.
И Бога хвалим, и грешим,
Живя на этом свете.
То гаснем духом, то горим,

Потворствуя наветам,
И непотребное творим,
Хоть ведаем об этом.

БОЛЬШАЯ ТРОИЦА

Заполнив звуками околицу,
Где бушевала тишина,
Живёт село Большая Троица –
Обида наша и вина.
Гутаря мовою с акцентами,
Жило оно когда-то всласть,
Сравнявшись рангами с райцентрами.
Потом опять отняли власть.
Теперь не так здесь дело спорится:
Уродит свёкла – нет зерна.
И всё ж, прошу, Большая Троица,
Ты уменьшаться не должна.
Пускай за власть другие борются,
А ты сильна совсем иным:
Не забывай о том, что кроется
За чистым именем твоим.

ЛЮДМИЛА НЕЖЕНЦЕВА

МОЛИТВА

Озари меня Светом любви,
Напои меня сладкой печалью.
Я в начале пути, я – в начале...
Одари меня Светом любви!
Пронесу я с собой Свет любви,
Всей душой своей в нём отражаясь,
Каждой клеточкой в нём растворяясь.
Исцели меня Светом любви!
И служить мне отныне ему
Ровно, сколько укажет мне Небо.
И всегда поклоняться Тебе, одному,
И вдыхать с горьким привкусом хлеба.
Зашти мена Светом любви,
Мой Господь!

МАТЕРИ, МОЛИТЕСЬ ЗА ДЕТЕЙ

Матери, молитесь за детей,
Чтобы радость в сердце приживалась,
Что б с рождения и до последних дней
Им всё чаще Солнце улыбалось.
Матери, молитесь за детей,
Чтоб, как пальцы в кулаке, – едины!
Чтоб стояла Русь непобедима –
Матери, молитесь за детей!
Светят с Неба тысячи огней,
Как молитву, я шепчу упрямо:
«Берегите, дети, матерей!
Матери, молитесь за детей!
И не уходите слишком рано».

МОЛИТВА

Всех моих близких,
Всех моих дальних,
Боже, храни!
Взгляд их весёлый,
Взгляд их печальный,
Боже, храни!
Тех, кто однажды
Сбился с дороги –
Их не оставь!

Тех, кто упал
И подняться не может –
Силы им дай!
Боже Всевышний!
Боже Всесильный!
Слышишь, молю!
Всех своих дальних,
Всех своих близких
Сердцем люблю!
Жизнь разбросала,
Жизнь раскидала,
Жизнь – развела.
Только б надежда
Не покидала,
Вера была!
Всех моих близких,
Всех моих дальних,
Боже, храни!

* * *

Ломая оковы житейских преград,
Мы радости множим, тревоги.
У каждого свой – и восход, и закат.
Дорога единая – к Богу.

* * *

Жизнь выбирает сильных!
Жизнь выбирает смелых!
Только у сильных есть крылья!
Только у смелых есть Небо!
И не расстаться нам с верой,
Той, что в пути окрыляет,
Сердцем, взывающим к Небу,
К Богу, что всё нам прощает.
Жизнь выбирает сильных!
Жизнь выбирает смелых!
Только бы крепли крылья!
Было бы чистым небо!

* * *

Да надо вовсе не того бояться –
Предаст ли друг,
Или подставит враг.
Без веры, что без матери осться,
Как не стоять на собственных ногах.
Верь до конца,
Покуда сердце бьётся,
Пока течёт, бунтует в жилах кровь!
Проходит всё.
Но вера остаётся!
Ты только верь –
И победит любовь!

ТАТЬЯНА ОЛЕЙНИКОВА

БЛАГОВЕЩЕНИЕ, 1998 Г.

Апрель. Седьмое. Благовещенье.
Ударил гром семь раз подряд.
«Кровавыми слезами женщины
Умоются...», – так говорят.

...Дай Бог, чтоб не сбылась примета.
Спаси, Господь, Твои стада.
Они придумали всё это
Без совести и без стыда.

Приметы злые и пустые
Пусть заплетают словеса.
Омоет купола святые
Пречистой Матери слеза.

МОЛЬБА

Слышу я, слышу, –
как третье колено
К небу возносит
петух...

...Только б
лампадка горела нетленно,
Только б
огонь не потух!..

ЗНАМЕНИЕ

Господа, господа!
Вам Его не догнать никогда.
Лик Его увидать –
это тоже не ваша забота.
Вдруг оглянется!..
И до конца, до холодного пота
и до смертного часа
Его дожидаться Суда.

В эту ночь над Землёй –
ни звезды, ни огня, ни Луны.
Тишина и кромешная тьма,
и душа замирает.
Господа, господа!
Нет на свете страшнее вины,
Если с чаши небесной –
небесные звёзды стирают...

Оглянитесь вокруг.
Вас навек затянула вражда.
Он на вас не взглянул,
Он душою к дороге приникнул.
Он молчит.
И молчанию этому имя – беда.
Но страшнее беда,
если вас поимённо окликнул.

Он идёт, а за Ним –
ни следа, только холод и снег.
Вам достанется чёрная ночь

и колючая выюга –
Это память гудит.
Или это закончился век.
Вот теперь, господа,
Наконец, пожалейте друг друга.

Не услышите вы,
как деревья и травы растут, –
Ведь земля умерла,
и не слышно дыханья живого.
Господа, господа, –
вот он, смертный и праведный Суд.
Это ваши дела
и движение зла ножевого.

МАГДАЛИНА

...Быть может, кто-то из толпы,
Бросающий в меня каменья,
И сизойдёт до сожаленья...
Но не прозреют на мгновенье
Глаза его – они слепы.
...Я прохожу сквозь этот строй
Жестокости и нелюбови.
И – вдруг услышу голос крови,
Назвавшего меня – сестрой!
Рванусь и побегу на зов
Через презренье и сомненье,
И губы – в кровь, и в кровь – колени:
На голос, слышный в отдаленьи! –
Через молву, через позор!..

Но вдруг споткнусь и онемею.
Но вдруг пойму, – что нет пути! –
Ни подбежать, ни подойти
К Тебе, далёкому, не смею...
Что не смогу толпу унять
На поле лжи, на поле брани. –
Чтоб камень, брошенный в меня,
Тебя, мой Боже, не поранил!..

ГОСПОДИ, СПАСИ И СОХРАНИ

Господи, спаси и сохрани!
Огради мой дом от разоренья,
Сыновей и внуков в эти дни
Пронеси от горя и сомненья.

О себе уже я не молю:
Дай лишь силы вытерпеть и выжить.
И когда беда под самой крышей,
Сохрани, прошу, семью мою.

Помоги нам, Боже милостивый,
Ангела-хранителя пошли, –
Снова я хочу семьи счастливой!..
И ещё – любимой быть – вели.

И когда мои иссякнут силы,
Стань опорой мужу моему,
Отведи подольше от могилы,
Хлеба вместо хмеля дай ему.

Роду моему не дай исчезнуть,
А меня пусть помнят сыновья.
Научи их выжить в этой бездне,
И тогда спокойной стану я.

* * *

Дай, Бог, мне жить неведеньем птенца
И называть своих друзей – друзьями.
Дай не познать нелепости изъяна
Ни в дружбе их, ни в душах, ни в сердцах.

Дай жить мне так, чтоб спор вести не с тем,
Кто пробовал уже на вкус прозренье.
Дай не почувствовать, чем пахнет разоренье
И пепелище замков на песке.

Дай жить, чтоб знать, что щедрость – не беда,
Что вовсе не наивность – вера в честность.
Надежду дай, когда уже всё тщетно,
Когда любовь теряю навсегда.

Дай, Бог, мне жить, хмелея от разлук,
Трезветь от встреч и пить вино из фляги,
С друзьями быть теплее тёплых рук,
Что возложу на чистый свет бумаги.

АЛЕКСАНДР ОСЫКОВ

* * *

Когда удачей балует судьба,
Гордыня душу точит понемногу.
Но за удачу не хвали себя –
Удачей ты обязан только Богу.

И от обиды горькой зря не плачь,
Судьбе в ответ тверди лишь комплименты...
Боль причиняя, исцеляет врач.
Так и у Бога – все мы пациенты.

Судьбы лихой не разгадаешь код,
Терпи обиды, радуйся удаче.
Один Всевышний знает наперёд,
Какое же леченье нам назначить.

БЛУДНЫЙ СЫН

Он проснулся ещё до рассвета
И, обняв на прощание мать,
Стал скитаться по белому свету,
Чтоб удачу и счастье сыскать.

Много раз он с удачей встречался
Средь бескрайности дальних дорог,
Был богат и любовь знал, но счастье
Повстречать так ни разу не смог.

И в скитаниях силы растратив,
Он о матери вспомнил с отцом.
И почти что уже на закате
Воротился в родительский дом.

Сына блудного встретили лаской...
И – сквозь горечь прозренья и стыд –
От простого и близкого счастья
Он по-детски заплакал навзрыд.

* * *

Обессилен от морока буден,
Осушив чашу суток до дна,
Слышу я – в свой торжественный бубен
Монотонно стучит тишина.

На душе пустота и усталость,
И пульсирует болью висок,
И почудится: жизни остался
Лишь последний, прощальный глоток.

Неподвластен земному закону,
Двери вечности вновь отворю
И молюсь, и целую икону,
Словно с миром иным говорю.

И отступит, исчезнет усталость,
Сердцу в такт зазвенит тишина.
А глотков, сколько б их ни осталось, –
Чаша жизни любовью полна!

СПОР

Ещё безусыми юнцами
Мы затевали часто спор:
Должно ль добро быть с кулаками,
Чтоб злу всегда давать отпор?

И мы считали: агрессивным
Добру необходимо быть,
Не понимая, что с насилием
Его никак не совместить.

Добро творят душой смиренной,
Ведь словно в зеркале кривом
Отобразится непременно
Добро, карающее злом.

Но чтобы распознать дурное
И зло в итоге победить,
Не с кулаками – с головою
Добру земному должно быть!

* * *

Я – земной. Я однажды умру.
И душа, отделившись от тела,
Полетит в небеса неумело,
Замерзая на встречном ветру.

И Отца голос тих и далёк,
С согревающей душу тревогой
О птенце, позабывшем дорогу,
Мне шепнёт: – Ты вернулся, сынок.

ВЕНОК СЕМИСТИИШЙ

1

Станут близкими дальние дали,
Остановится времени ход,
И в страну одинокой печали
Я уйду в свой последний поход...
Налегке – ни богатство, ни славу
Не возьму я на ту переправу –
Перейду реку времени вброд...

2

Перейду реку времени вброд...
И услышу, как боль источая,
Голос милый обратно зовёт.
Безутешным отвечу молчаньем.
На прощанье оставлю венок
Из тревожных, мучительных строк
На краю одинокой печали.

3

На краю одинокой печали
Вспомню жизнь свою всю до конца.
И увижу: в немыслимой дали
Мне раскрыты объятья Творца.
Но дорога в Небесное Царство
Пролегает сквозь муки мытарства –
Душу грешную вера спасёт!

4

Душу грешную вера спасёт...
Чтобы с бесами выиграть битву,
Вознесу перед Богом молитву.
Благодать мне Всевышний пошлёт...
Божью милость ничем не измерить –
Ведь безмерную силу даёт
Бог тому, кто воистину верит.

5

Бог тому, кто воистину верит,
Грех земной милосердно простит...
Огонёчек надежды горит,
И свеча поминальная светит...
Облегчайте ж молитвою путь
Тем, которых назад не вернуть,
Открывая в бессмертие двери.

6

Открывая в бессмертие двери,
Вновь на землю Спаситель придёт –
Обретеньями станут потери.
Тьму иль свет каждый сам изберёт,
А Всевышний, скорбя о неверных,
Лишь очистившим души от скверны
Ключ от вечности в дар отдаёт.

Ключ от вечности в дар отдаёт
 Милосердный и мудрый Всевышний
 Тем, кто Слово нетленное слышит,
 В ком любовью Оно прорастёт,
 Кто любовь эту ближнему дарит...
 Если в сердце Оно не умрёт,
 Станут близкими дальние дали.

Станут близкими дальние дали...
 Перейду реку времени вброд.
 На краю одинокой печали
 Душу грешную вера спасёт.
 Бог тому, кто воистину верит,
 Открывая в бессмертие двери,
 Ключ от вечности в дар отдаёт!

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ

* * *

Тянется, тянется сосенка ввысь,
Ветви березок к земле припадают.
Катится, катится, катится жизнь
И через Лету переплывает.
Слава Те, Господи, что я познал
Правду и праведность этого мира.
Слава Те, Господи, что ниспоспал
Милость и каторгу – волю и лиру.

МОЛИТВА

Разбитые версты, кресты да погосты,
Да по небу плач журавлей.
И грустно, и горько, и вовсе не просто
Сродниться с Россией своей.
Здесь мало родиться – здесь вырасти надо
И выстрадать в полную меру,
Чтоб тихий ручей и косая ограда
Отлились в безмерную веру:
Что это навеки, что это родное,
Как старых церквей перезвон.
Дай, Господи, всем нам любви и покоя.
И хлеба, и мира, и праведный сон.
Дай время вернуться к полям и дубравам,
Воды родниковой испить.
На красных и белых, на левых и правых
Не надо Россию делить.

ОКТЯБРЬ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА

Врата не закрыты.
Года не лихие.
Только старушки лишь
Плачут глухие.
Пусто и сырьо
На старом кладбище.
Просит копейку
Сытый – не нищий.
Сквозь позолоту
Чернеет дорога.
В небе вороны
Кличут тревогу.
Господи, Боже!
Спаси наши души!
Эхом молчание
Глуше и глуше.
Слезы да стоны.
Да в небе вороны.
Стою возле плахи
Я в чистой рубахе.
И сердце все тише.
И холод до боли.
А стая все выше
И манит на волю.

ПЛАЧ МОЛИТВ

От Бога – власть, от мира – суeta.
Мы тешимся минутами забвенья.
В пустых словах находим откровенье.
Когда давно подведена черта.
От Бога – крест, от мира – мишура,
Чины, награды, почести и слава.
И яд любви, и нежности отрава.
И заданный вопрос – что жизнь – игра?
От Бога – перст, от мира лишь сумма.
И корка хлеба без воды в пустыне.
И плач молитв вовеки и отныне:
На небе – рай, а на земле тюрьма.

СЕРГЕЙ ПОСТОЛОВ

ИКОНА

У старинной иконы стою,
Зажигаю свечу восковую.
Не прошу не о чем, не молю.
А смотрю на нее, как живую.
Да, не все сохранились мазки,
Но она, как приkleилась к сердцу:
Смотрят с липовой темной доски
Богородицы лиц и Младенца.
В ней высокая боль да печаль,
Что веками копилась и зreла.
«Забирай ее, внучек, не жаль!
Видишь, стерлась да шашель проела».
Я забрал и икону хранил,
Протирал, чтоб она не пылилась.
Случай это иль Бог подарил,
Но она мне теперь пригодилась.

КРЕСТИК

Не найду, хоть тресни –
Памяти потемки –
Свой свинцовый крестик
На простой тесемке.
...Был я пионером,
Знал стихи про Валю –
Нам иную веру
Исподволь вбивали.
Комсомольцем песни
Запевал с друзьями.
Мой свинцовый крестик
Был храним у мамы.
В суматохе быта
Крестик проглядели –
Раз всего и был-то
Он на детском теле!
Я б спросил у мамы,
Да ее уж нету...
Продаются в храме
Крестики не эти.
Мне родной бы, первый,
На простой тесемке –
И скрепить бы верой
Памяти обломки!

* * *

Душа – крылата! Скоро улетит,
Освободясь, за дальние пределы,
А прах телесный время поглотит –
В природе это так. Ну что поделать!
И, доверяясь Богу одному,
Предчувствуя свои земные сроки,
Я тяготею к добруму всему,
Каким бы этот мир ни был жестоким.
Когда мы вечный обретем покой,
С нас спросится не серебро и злато,
Кем ты остался в памяти людской,
Каким добром душа была богата?!

ЕВГЕНИЙ ПРАСОЛОВ

ДЕТИЯМ

Белая, белая, белая
Белых снегов пелена.
Первая, первая, первая
Вспыхнула в небе звезда.

По небу, по небу свечкой
Звёздочка тихо плывёт,
К яслим, где сбились овечки,
Трёх пастухов приведёт.

В ясельках дремлет Младенчик.
Имя младенца – Христос.
И – так тепло средь овечек!
А за стеною – мороз.

ПАВЕЛ САВИН

ПОКЛОНЫ

Прищурится ночь у порога,
Затихнет корова в хлеву.
И мама с молитвою к Богу
Уходит к святому углу.

Предстанет пред темной иконой
Сама, как святая душа,
И в ночь отбивает поклоны,
Застиранным платьем щурша.

Потом перекрестит украдкой,
Поправит усталой рукой
Постель, где мы с маленьkim братом
Ночной обретаем покой.

Война по родимой сторонке
Грохочет, не зная границ.
И папин листок-«похоронку»
Надежно икона хранит...

Сквозь годы – в хатенке убогой
Мне чудится прошлого след,
Хоть мама давно теперь с Богом,
И брата со мной уже нет.

А я все по свету мотаюсь,
Порой не в согласии с ним,
Найти свою веру пытаюсь,
Молитвою мамы храним.

Лампада горит под иконой,
Часы отбивают года...
Но маминых светлых поклонов
Не будет уже никогда.

* * *

Пора собираться в дорогу,
Душой очищаться пора,
Чтоб вдаль от родного порога
Однажды отчалить с утра.

Долги и грехи по котомкам
Сложу я до судного дня,
Чтоб их не осталось потомкам,
Что будут счастливей меня.

Уйду без боязни и боли,
Без лишней бравады уйду.
И стану былинкою в поле,
Звездою в заросшем пруду.

Над куполом шара земного
Вселенная будет пылить,
И будут года мои снова
В другом измерении плыть...

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

* * *

Я молюсь за Россию.
Темен лик ее ныне.
Воронье в небесах,
С поля веет полынью.
Я молюсь за Россию
И молю слезно Бога,
Чтобы Он не судил
Мою Родину строго.
Я молюсь за Россию,
Верю в Божию милость,
Пусть сегодня от нас
Все друзья отступились,
Бог простит маловеров,
Всех заблудших простит.
Я молюсь за Россию.
...Бог ее сохранит.

* * *

Вражде и злобе на земле
Нет ни конца, ни края.
И в этом адовом котле
Кипит душа живая.
Ей тыщу лет дано уметь
Молить усердно Бога,
Чтоб дал Он силы всё терпеть
И в рай искать дорогу.

* * *

«Не судите, да не судимы будете». *Господь Иисус Христос. Нагорная проповедь.*

Нет, никого я не сужу,
Не вижу счастья в битвах,
Но я всё больше провожу
Времени в молитвах.
Святому Духу я молюсь,
Молюсь Отцу и Сыну,
Дабы они хранили Русь,
Хранили Украину.

СЕРГЕЙ ТАШКОВ

* * *

Это я, Господи!
Бредущий из мрака во мрак.
Что ж Ты меня в Своей звездной россыпи
не отыщешь никак?!

Говорят, что Тебя видели –
две тысячи лет назад;
говорят, что Тебя обидели,
и погасли Твои глаза.

Дольный мир возвысил пришедшего
с вестью благостной – на кресте.
Отыщи меня, сумасшедшего,
ожидающего вестей.

Ты найди меня у сетей моих,
человеков Небесный Ловец,
ниже облака, ниже трав сухих
и в аду найди, наконец.

Улови на блесну прозрения,
на последние крохи любви,
на живучего червя сомнения –
Ты уж как-нибудь улови...

Если есть на земле неуверенность,
слабость духа, страх жития,
срам греха, сиротство, потерянность –
это я... Господь, это я!

Цепенящим искусством преследуем –
бросить плоть свою, как пальто,
что есть истина? – я не ведаю,
только то, что знаю – не то.

Я попал в этот мир, как в госпиталь
с тяжкой раной, сгорая в бреду.
Как же Ты найдешь меня, Господи,
если сам себя не найду?

В той щели посредине вечности,
что зовется жизнью людской,
я обрел по своей беспечности
боль духовную, непокой.

Восприми мое покаяние,
камень черный с души низринь,
сократи к Тебе расстояние,
не покинь меня, не покинь.

Вопреки моей своевольности
встань незыблемо на пути –
от падения в пекло пропасти
отврати меня, отврати.

Пусть ни делом, ни словом, ни мыслию
никогда уже не солгу.

Без Тебя, Господь, мне не выстоять –
не могу уже, не могу...

Не до фраз мне и сладкозвучия,
иссякает нить бытия,
и летит, как звезда падучая:
это я... это я... это я...

Господи!

АПОСТОЛЫ

Божий Сын пришел на берег, где от века
мы таскали на прокорм из тины рыб,
и призвал нас быть ловцами человеков –
чтобы души к свету вытащить могли б.

Мы пошли за Ним в рассветной сини
за поводырем через туман –
просто рыбаки Андрей и Симон,
Зеведеевы Иаков, Иоанн...

Мы пошли, свои оставив сети,
все, чему учили нас отцы,
впечатляясь истиной, как дети,
сомневаясь в ней, как мудрецы.

Каждый был вопросами докучлив,
и Учитель сетовал подчас:
Что ж, избрал Господь не самых лучших,
все же не кого-нибудь, а нас.

Мы бродили, а вокруг широко
мир лежал во зле, криклив и груб,
требуя, как встарь, за око – око,
вожделея в брани зуб за зуб.

Божий Сын неслыханные речи
вел перед собранием горожан:
что Господня кара недалече
для того, кто слишком жизнью пьян;

что покорно подставляя щеки,
не противясь злому, мы как раз
исполняем замысел высокий
Господа, спасающего нас;

что у зла широкая дорога,
и по ней толпой стремятся в ад;
что узки врата в обитель Бога,
но зато там каждый брату – брат.

Никогда уже не будет плакать
добрая душа, и на века
в новой жизни плевелы от злаков
уберет Господня рука...

Как прекрасны будут дни без злобы,
жадности и зависти людской.

Мы внимали; мы хотели, чтобы
жизнь быстрее сделалась такой.

Но богатый не отдал именья,
но обидчик не исправил грех.
И летели из толпы каменья
во Христа, а сыпались на всех.

И остались мы без Бога вживе,
сгрудились, как овцы в лютый час,
когда волки на пустынной ниве,
походя, вырезывали нас.

Слава Богу, с нами Дух нетленный –
осиял тернистые пути,
жизни смысл поведал сокровенный...
тяжело, а надобно пройти.

Что ж, и мы немало преуспели,
потому что был Учитель прав.
На кострах мы Господа воспели,
смертью смерть извечную поправ.

Плоть – тюрьма, и души в заключеныи,
а Христос вошел в тюрьму и спас.
Наша жизнь – дорога к исцелению,
исцеленье смертью – высший час.

Братия, смиrimся перед Богом!
Вечность ждет изгнанников своих.
Дух томится, но не так уж много
в милости дается дней людских.

...Божий Сын пришел на берег, где от века
рыб ловили пленники земли,
и призвал нас быть ловцами человеков –
чтобы души к свету вывести могли.

* * *

Есть в нищенстве Божественная тайна –
как подтвержденье веры и креста.
И кущи рая, что манят необычайно
людей – по самой сути – нищета.

Всего лишь сад – как сказано в Писании;
природа царства Божия проста.
Там змий греха в роскошном одеянии,
безгрешных облаченье – нагота.

Ворота в ад раскрыты нараспашку,
ворота в рай зажаты, как тиски.
Отдай свою последнюю рубашку,
не то застрянем – так они узки.

Пускай весь мир кует свою монету
и кормит прах, вкушая сладких яств!
Известно только Богу и поэту,
что нищета богаче всех богатств.

Твори, поэт, и в нищенстве суровом
ведь сам Господь вне света до поры
располагал вначале только Словом –
и сотворил бесчисленные миры!

ЗИНАИДА ФИЛАТОВА

ПРОЩАНИЕ

Лицо уже без глянца –
Готова к жизни вечной.
И что её бояться –
Чужой такой, беспечной.

Ей никакого дела
До наших ощущений,
Когда, склоняясь над телом,
Мы молим о прощенье.

И провожая в вечность
С молитвою Христовой,
Мы зажигаем свечи,
Мы каяться готовы.

* * *

Позднее прозрение...
Надо как-то жить.
Позднее крещение –
Богу послужить.
Крест надела трепетно
И, перекрестясь,
Я не стала ветреной,
С Ним почувяв связь.
И душа, как в юности,
Устремилась вдаль...
Мне бы детской радости,
Прочего – не жаль.

* * *

От земли – земная радость,
А Небесная – от Бога.
Мне б решиться лишь на малость –
Оттолкнуться от порога,
Чтоб взлететь на крыльях духа
Над земным чадящим смогом
И не верить больше слухам,
Будто я забыта Богом.
Не забыта! Сон мой вещий
Предсказал к Нему дорогу.
Я печу... Душа трепещет
Перед встречей от восторга!

* * *

Необозначенный путь
И неуверенный ход...
Боже, куда повернуть,
Чтобы идти на восход?

Всё, что от жизни брала,
Всё – потеряло значенье.
Света хочу и тепла.
А остальное – зачем мне...

ГРЕШНИЦА

Греховодить и каяться...
Есть ли в этом заслуга?
Одинокая странница –
Ни жена, ни подруга.

Кем ты будешь поругана?
Есть ли в мире безгрешные?
Не смотри так испуганно
В своё завтра поспешное.

Будут в прошлом сомнения,
Будут раны залечены...
Слышишь дивное пение?
Значит, ангелом встречена...

МОЛИТВА

Боже правый! От паденья
Огради Свою рабу.
Позови в Свои владенья,
Укажи Свою тропу,
Помоги мне, умоляю!
Призови, пока чиста...
Пусть перо не знает края
Белоснежного листа.

* * *

В храме высоком лики святых,
Благообразных, смиренно-спокойных.
Освобождаюсь от мыслей пустых
Перед святыми очами иконы.

Словно умылась водою святой.
Слёз очищающих не вытираю.
Будто и не было женщины той,
Что безрассудно ходила по краю...

Будто и не было горестных дней.
Боль утихает... И в час этот поздний
В храме высоком молитва слышней,
Явственней голос Господний.

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Всё так и было. Звон колоколов...
И пробудились города и веси...
Исчез поток пустопорожних слов.
Сегодня на устах:
«Христос воскресе!..»

И всем казалось, что не отлучён
Никто от Бога, даже грешен если...
Пронизанное ангельским лучом,
Взметнулось вверх:
«Воистину воскресе!»

ОЛЬГА ФИЛИППОВА

* * *

Где-то рядом со мной бесприютна душа –
Под порывом студеного мокрого ветра.
Дождь осенний с небес проливается щедро,
Тихо падают листья, тревожно шурша.

С белой звонницы зов до меня долетел...
От печали я сердце свое не избавлю.
Под иконами тонкую свечку поставлю.
Я Тебя не забыла. Ты так и хотел...

ИГОРЬ ЧЕРНУХИН

ХОЛКИ. МОНАСТЫРЬ

Меловое подземелье,
Мировая тьма внутри...
Кто-то слеп здесь от знамений,
От пробившей лаз зари.
Век бежал за веком. Рыли
Эти холмы, как могли.
И себя от глаз сокрыли
В глубине родной земли.
В Диком Поле, где невинно
Снег ли, дождик моросил,
Вырастали над равниной
Горы тайные Руси.
Здесь когда-то перед битвой,
По жене, Днепру томясь,
Ночь провёл один в молитвах
Знаменитый русский князь.
Как грачи, потом монахи
Вили гнёзда много лет.
И, живя в трудах и страхе,
Редко зрели божий свет.
Было время. Пусто в кельях,
Только древний дух течёт.
И печальною свирелью
Зазывают в белый грот.
Как и встарь – в округе гуси,
Но с высокого холма
Бьют над Киевскою Русью
Реактивные грома.

МАГДАЛИНА

Стою немым ли в храме пилигримом
Иль в нем с соседом о земном шепчу –
Мне женщина по имени Мария
Передает зажженную свечу.
Дрожит в ее руке огонь нетленный.
В глазах Марии – таинство и грусть.
Весь белый храм ей кажется Вселенной,
А я небесным братом ей кажусь.
Подернут взгляд туманной поволокой.
Лицо ее устремлено к Нему,
Толкнут ее, заденут ненароком –
Она молчит, не внемлет никому.
О чем она беседует с Всеышним?
Какой в моленьях искупает грех?..
Кусок последний отдает ей нищий,
Монашки зазывают на очлег.
Трясет ее ночами малярия –
То в жар бросает, то в холодный пот.
Никто не знает, где живет Мария,
Пришла откуда и куда уйдет.
Горит свеча, дрожит от песнопенья.
Сомкнувши руки тонкие в кольцо,
Стоит Мария, как само смиренье,
Потупив чуть греховное лицо.
Блаженная, земная, словно глина,
Прошенная за давностями дней...
Беру свечу... и вижу Магдалину,
И голову склоняю перед ней.

РУССКИЕ КОЛОКОЛА

И. Пашкову

Какая в сердце музыка возникла
У звонаря из древнего села?..
Вновь заиграли по Руси великой
Молчавшие досель колокола.
В их перезвоне было меньше горя,
Чем радости, надежды, торжества...
И музыка от моря и до моря
Всех извещала: «Родина жива!»
Жива святая Русь! Жива Россия!!!
Горят её, сияют купола.
Над Китежем, Москвою, Белогорьем
Звонят, звонят её колокола.
И кланяясь малиновому гуду,
Я слышу голос свыше у плеча:
– Молись за Русь пока горит свеча!
Пока звонят колокола повсюду.

СМОТРИ И ПОМНИ

Слепой безгрешней зрячего любого,
Поскольку он не видит, что творит.
Но тот, кто видит небо голубое,
Тот видел в нем и грозовой зенит.
Когда грома гремят, как голос Бога,
И огнь, как взгляд, сжигает дерева,
И ты один, и к дому нет дороги,
И под ногами в терниях трава.
Где всё вокруг тебя предупреждает:
«Смотри и помни: ты на то и зряч –
Вот древо жизни, яблоко Адама,
Вот змий и Бог. Голгофа и палач...».
Шумит гроза над полем, над дорогой,
Бурлит в колодцах мертвая вода...
«Смотри и помни – от видений многих
И грех велик и велика беда.»
Слепой безгрешней зрячего любого.
Ты зряч еще. Ты видишь, чтотворишь...
Прекрасны звезды, небо голубое
И Шар земной, где ты в цветах стоишь.
Смотри, запоминай его отныне –
Туман в лесу и голос соловья,
И жар зари, и горький дух полыни,
И снег берез, и песенку ручья.
Живи и помни –
В Питере ль, Мадриде,
Что и с тебя однажды спросит Бог
За то, что ты на этом свете видел,
Но позабыл и в сердце не сберег.

МОЛЬБА ГРЕШНИКА

Успокой моё сердце слепое,
Укроти мою дерзкую плоть!
И пошли мне молитву с любовью,
Мой Господь!
Удержи от греха и паденья,
Через огнь пронеси, через воду.
И от лиха спаси и злодея.
Мой Господь!
Дай мне посох и чистую воду,
Дай суму и насущный ломоть,
И оставь мои песни народу,
Мой Господь!
А когда годы тело потушат,
Чтобы сердце моё расколоть,
Ты возьми мою бедную душу,
Мой Господь!

МОЛИТВА

Дай мне терпение Твоё!
В больнице лютои и на плахе,
Смиренье, чистое бельё
И покаяние во страхе.
Прости меня за мрак души,
За долги тяжкие и страсти,
От зла меня ты отреши
В часы вселенского ненастья.
Когда на Родине ни зги,
Благослови на труд и слово
Или как молния сожги,
И воскреси для песен снова!..

ТРИЕДИНСТВО

В.Устинову

Триедина великая вера –
Милосердна, глубинна, чиста,
Но тебе никогда не измерить
Эту лёгкость и тяжесть креста.
Не подсвистывай птицам небесным –
Не тебе понимать их удел.

В мир пришёл ты,
в великий и тесный,
И не лучшие песни пропел.
Но ты принял высокие звуки,
Что с небес принесли соловьи,
И обрёк на вселенские муки
Душу грешную, песни свои.
Что же делать, коль в жизни суровой
Просто так ничего не дано?!

Триедино великое слово –
Было Богом когда-то оно.
Перед словом, как мальчик, теряюсь –
Речь мою замыкают уста,
Но спасают меня, озаряют
Три единых смиренных перста.

ИСХОД

Покоя нет и воли нет...

Раздора

Горит костёр... Мир слепнет от огня,
И Судный день, должно быть, грянет скоро:
Господь к ответу призовёт меня.

Что я скажу, печальный странник, Богу? –
Земной свой путь как оправдать смогу?
– Покой и воля, говоришь?..

и строго

Бог скажет:

– Всё на левом берегу...

Взглянь на левый. Чуден мир забвенья!

Там в земь уходят ложь, навет, молва.

На правом же – какому поколению

Морочат ум лукавые слова?

Иду на левый. Гаснут небо, звёзды.

На левом лес и ночь... кричит сова...

– Уже не рано, но ещё не поздно:

Молись, молись... –

Шепнёт у ног трава.

Очнусь... Ворота –

Ада или Рая?..

Окончив путь, что ночи был черней,

Душа голубкой белой замирает –

Не смерть страшна,

Страшна дорога к ней.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

МОЛИТВА

Господи,
Помоги любимой
Остаться моей любимой,
Другу – другом,
Врагу – врагом.
Боже, дай мне силы –
Не стать равнодушным.

БУДУЩЕЕ

Я стар. Я слеп.
Я нищ и одинок.
Мне нужен только хлеб
И – Бог.

ДЕТСТВО. КРЕЩЕНИЕ

1

По сусекам поскребу
памяти: авось, найдётся
светлое и дорогое –
от чего замрёт душа.

Напрягаюсь – только детство
выплывает... Неужели
я потом ещё полвека
прожил – нету и следа?

Что-то было же! Наверно.
Но, увы, не зацепилось
так, как солнечный воскресный
день и золотистый храм.

2

Бабушка за руку держит.
Батюшка на шею крестик
надевает:
– Ну, отныне
твой Отец – Иисус Христос.

Я похващаюсь, конечно,
Только – пусть не обзывают
безотцовщиной.
Его-то
батя – форменный алкаш.

Называют так в округе,
хоть дядь Гриша безобидный:
как напьётся – распевает
про матроса-кочегара.

Он и сам пообгоревший:
танк под Курском подпалили,
ранен был, но жив остался...
И Толяна вон родил.

Медный крестик на минутку
дам дружку – пускай подержит:
может быть, мой новый папа
пожалеет и его.

* * *

Бабушка хранила Евангелие
в старом сундуке,
а ключик прятала в потайное место.
Когда я оставался дома один,
то находил заветный ключик,
отpirал скрипучий замок
и доставал таинственную чёрную книгу
с растрёпанными страницами.

Больше всего
мне нравились картинки,
особенно одна –
худющий человек с добрым лицом,
прибитый огромными гвоздями
к деревянному кресту.

Я читал по слогам:
– И-и-сус Хри-стос, –

и сердчишко замирало, сжималось,
стучало часто-часто,
словно за мной
кто-то долго гнался.

Я и сейчас
не могу спокойно
произносить Его Имя.

* * *

Когда поймёшь, что ты живёшь,
не потому, что звёзды
благоволят, то в храм придёшь
не рано и не поздно.
Ну а пока, дыши, глотай
настой цветов весенних,
пьянящих трав и правду знай:
едва ли среди первых
ты в этой толчее людской
и всё же не последний –
прими смиренье и покой.
А в храме на коленях
ты будешь Господа просить,
чтоб жизнь продлил хотя бы
на миг, в слезах благодарить
за милость стоном слабым,
молитвенным...
Когда поймёшь?..

* * *

Ступеньки. Паперть. Дверь. Вхожу...
Что, грешный, Богу я скажу?
Ну, попрошу прощенья...
Да и сюда ли я прибрёл
С больной душой?..
– Как долго шёл!
Жду, почитай, с роженья.

В ХРАМЕ

Средь суеты мирской – блаженный миг! –
В старинном храме преклонить колени,
Забыв, что время собирать каменья,
В душе сокрыв отчаяния крик.

И очи ясность, зоркость обрели.
Как наяву – божественные лики.
Отец и Сын, и Дух – они велики,
А снизошли на землю. Снизошли!

Молюсь я или, грешный, бормочу
Слова, что душу печат – покаянья,
И чувствую прикосновенье длани
Всевышнего
к согбенному плечу.

* * *

Опуститься покаянно на колени
труднее, чем с них подняться –
в храме не действует
закон земного притяжения.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ В РЯЗАНИ

Ступеньки гранитные в небо вели,
Теперь опускаются в недра земли.

И свет заревой об оконца,
Как алая бабочка, бьётся.

И свечи горят. И святые глядят,
Молчанием истины мне говорят.

ТРУДНИК

Евгению Абдулаеву

Трудник Александр
больше ничего не желает,
втайне радуясь,
снег лопатой сгребает:
и�ь, сколько нынче его намело –
до боли в глазах бело!

Далеко-далеко мирские заботы,
словно никогда и не было.
Хорошо смотреть в бездонное небо,
посветлевшее от позолоты
куполов, которые отражаются
в пенистых облаках.
Приморившемуся труднику кажется,
он сам воспаряет в мечтах
туда, где простятся ему прегрешения.
Опускается на колени
и молится, как умеет –
и на душе теплеет.

Рассказанное выше
едва ли можно назвать поэзией,
как бытие Александра
единственно верным назвать,
но, пожалуй, ещё бесполезнее
жизнь просто так проживать.

* * *

Облака надвигались, над белым холмом кучковались,
превращались в похмальные тучи, на кручи дождём
неожиданным, резким, шумя и шурша, проливались
этим неповторимым, дарованным Господом днём.

Без громов и без молний хлестали и пенились струи,
чистотой омывая деревья, траву и цветы.
И подумалось: право, ну что разглагольствовать всуе
о Божественном? Вот снизошло с высоты.

НА КРАСНУЮ ГОРКУ

Работал на Красную горку.
Сказали – пред Богом грешу.
А в роще соловушка щёлкал,
и трудолюбивая пчёлка
нектар собирала, и гул
далёкой железной дороги
небесные дали будил.
И благодарно о Боге
подумал: Отец помог многим
и мне вот слегка подсобил.

* * *

Небо моё потемнело,
Звёзды мои потускнели,
Реки мои обмелели,
Земля моя стала камнем.

Но золотятся всё ярче
Купола и иконы,
И прибавляется веры
В просветлённой душе.

* * *

...А холодающая высь
Уже подсвечена багряным
Тревожным светом. И туманы
С болот клубами поднялись.

В прибрежной рощице опять
Кукушка о своём толкует.
Что будет? Что же с нами будет?
Не отгадать и не понять,
Как не понять извечный ход
Времён к вселенской катастрофе.
И наши годы, как ни плохи,
Никто обратно не вернёт –
И холодеющую высь,
И тихий вечер над равниной,
И руку нежную любимой.
Молись! Об этом и молись.

* * *

Притягивало кладбище мальчишек
черемухою рясной, крупной – словно
картечины на кисточках чернели.
Сорвёшь – и сладость наполняла рот,
язык вязала, если наедались
от пуза.
А старинные надгробья,
когда в войну играли, превращались
в подобия японских укреплений.
– Ура! – кричали и метали камни,
старались по крестам попасть.

Теперь
на месте этом гаражи...
Приехав
на родину, я прихожу сюда
зачем-то и стою подолгу подле
черемухи засохшей.
Может, помнит
она друзей – Серегу, Сашку, Костю,
которых нет уже на свете этом.
Возможно, и меня она узнала,
простила за побитые кресты.

* * *

Говорила душа: – До рая
не дойти, если, пренебрегая
мной, ты будешь лезть напролом...

Вот заветный небесный дом.
Я калитку приотворил,
за которой розы кустились,
про колючки я позабыл,
и шипы в руку жадную впились.

Сон, конечно... И всё же урок
впрок – не любит нахрапистых Бог.

АЛБАЗИНСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ

Молюсь на икону Албазинской Божьей Матери.
Я привёз её из далёкого города,
где родился в послевоенном голодном году,
а крестили меня
в единственном православном храме,
под который власти отдали
чудом сохранившийся католический костёл,
так как все благовещенские церкви
были разграблены и взорваны
во время духовного варварства.

Одна икона
смотрит на меня со стены,
вторая, поменьше, стоит на столе,
а третью, самую маленькую,
я всегда беру в дорогу,
кладу в карман возле сердца –
от неверия оберегает
и от пули, быть может, спасёт.

* * *

На встречу с Богом
каждый отправится налегке.
Ничего не прихватишь,
только нательный крестик,
да щепотку земли, сжимая в руке, –
отныне навеки с ней вместе.

ПРОСЬБА

Господи, и малого довольно:
Будь со мною добр или суров –
Охрани от смерти добровольной
И необязательных стихов.

ГАЛИНА ЩЕРБИНИНА

* * *

«Как вам живется без меня? –
Спрошу с тревогой, –
Не много ли для вас огня,
Огня ль не много?
Сгорая в вечной суете,
Все вы давно уже не те.
Быть может, все же, вам пора
Вернуться к Богу?
Попасть в спокойное тепло
И принять все, что так светло.
Не много ли для вас огня,
Огня ль не много?
Как вам живется без меня?» –
С Небес спрошу с тревогой.

* * *

Священнику, отцу Николаю Дубинину

Что ищешь ты в толпе, о белый ангел?
Себе подобных в ней ты не найдешь,
В ней только боль души, печаль и ложь
И артистизм неискренности даже.
Что ищет добрый взгляд твой в злой
толпе?
Поддержки, понимания, участья
Или намек, а что такое счастье,
Или возможность обрести урок?
Что ищешь ты в толпе, о белый ангел?
Ответы на вопрос твоей души.
Ты пред толпой открыться не спеши,
Ведь разопнут. За что? Не скажут даже.

Что ищешь ты в толпе, о белый ангел?
Свое ли отраженье чистоты
Иль взгляд твоей заветнейшей мечты,
К Причастию несущей твоё чадо?

МОЛИТВА

В мире этом непрочном
Все без тебя безумно.
И даже совсем неискренний
Радостный солнечный свет.
И праздники новогодние –
Пародия на веселье.
Какое уж тут веселье,
Когда тебя рядом нет.
Тоска беспрбудно-серая.
Совсем не твои видения.
Но нет от тоски спасения –
Весь мир вдруг сошел с ума.
И утро, начавшись молитвою,
Закончится той же молитвою.
И в день перейдет молитва та
И вечер закончит она.
Господи! Сделай так,
Чтобы сын поскорей возвратился!
Господи! Сделай так,
Чтобы сын поскорей возвратился!
Господи! Сделай так,
Чтобы сын поскорей возвратился!
Ну, что Тебе стоит, Господи?!!
Пожалуйста, сделай так...

СОДЕРЖАНИЕ

Жанна Бондаренко	5
Людмила Брагина.....	13
Виталий Волобуев	15
Юлия Володарская.....	19
Александр Гирявенко	23
Николай Грищенко	27
Наталья Дроздова	31
Евгений Дубравный	43
Михаил Дьяченко	45
Валерий Игин.....	51
Виктория Кан.....	53
Протоиерей Игорь Кобелев.....	55
Вера Кобзарь	67
Леонид Кузубов.....	73
Михаил Кулижников	75
Сергей Леонтьев	79
Василий Лиманский	81
Юрий Макаров	83
Александр Малахов.....	85
Михаил Машкара.....	87
Лариса Меженинина	89
Станислав Минаков	95
Николай Молчан	109
Владимир Молчанов.....	111
Людмила Неженцева.....	125
Татьяна Олейникова	129
Александр Осыков.....	135
Анатолий Папанов	141
Сергей Постолов.....	145
Евгений Прасолов.....	149
Павел Савин.....	151
Александр Тарасов	155
Сергей Ташков.....	157
Зинаида Филатова	165
Ольга Филиппова.....	169
Игорь Чернухин	171
Валерий Черкесов	179
Галина Щербинина.....	191

Литературно-художественное издание
**«...Во исповедании
сердечнем»**

Духовная лирика поэтов Белгородчины.
К 200-летию митрополита Макария.

Редакция:
протоиерей И. Кобелев, протоиерей О. Кобец, В. Е. Молчанов

Редакторы-составители:
М. А. Кулижников, В. Н. Черкесов

Тех. редактор Д. А. Галецкая
Корректор Т. Г. Лагутина

Подписано в печать 17.08.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Объем 12,125 пл. Гарнитура AGBengaly.
Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 500 экз. Заказ 29974.

Издательство «КОНСТАНТА»
308000, г. Белгород, ул. Михайловское шоссе, 27а

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, п. Северный,
ул. Березовая, 1/12
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru